

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

АРКАДИЙ
АРНО

18+

ЦАРИЦА ГОРЫ

Аркадий Арно

Царица горы

Серия «Любовь, интрига, тайна»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67184211

Царица горы: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-165362-0

Аннотация

Рите Сотниковой все удается в жизни. Юной девушкой она приходит в школу молодых журналистов, и первая большая статья приносит ей славу и уважение коллег. Рита очень хороша собой, независима и остроумна, она умело использует мужчин исключительно как трамплин для восхождения по карьерной лестнице. Став любовницей пожилого медиамагната, Рита оказывается в центре культурной жизни города, ее окружают местные и столичные знаменитости. Она летит вперед, не зная преград, ведь ее оружие безупречно – яркий талант журналиста и неподражаемая женская привлекательность. Она легко шагает по головам, и ей все сходит с рук. Так продолжается до тех пор, пока директор оружейного магазина не презентует ей за отличную статью дамский пистолет. По роковому стечению обстоятельств именно в этот день Рита Сотникова садится в машину к преступнику...

Все читатели отмечают легкость языка Аркадия Арно, динамичность сюжета, но в первую очередь – яркие женские образы, которые ему особенно удаются. Именно такова героиня романа «Царица горы» – талантливая журналистка Рита Сотникова, которая должна пройти огонь, воду и медные трубы, стать выброшенной из рая и преодолеть все круги ада, прежде чем она увидит далеко впереди такой долгожданный свет...

Писатель Аркадий Арно работает практически во всех литературных жанрах: это исторический роман, детектив, приключенческий роман, авантюрно-любовный, психологический, фантастика, триллер, биография известных исторических личностей, изложенная языком художественной прозы, и даже роман-мистификация. Если он берется за роман исторический, то легко может направить своего читателя в любую эпоху – будь то античность, раннее или позднее Средневековье, Новое время или XIX век. А если это детектив, фантастика или мистика, то автор ищет непредсказуемые сюжеты и решения, но во главе угла всегда стоит противостояние добра и зла, борьба героя в сияющих доспехах и злого гения, и, конечно, любовь мужчины и женщины, без которой этого мира не существовало бы.

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Какова жизнь на вкус	13
Глава первая. Крутая девчонка	13
1	13
2	25
3	34
4	41
Глава вторая. Уроки Казановы	50
1	50
2	63
3	78
Часть вторая. Первая скрипка	87
Глава первая. Игра без правил	87
1	87
2	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Аркадий Арно

Царица горы

© Арно А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Окраину города зло полоскала январская выюга. В спальных микрорайонах они особенно разудалые и лютые. Словно белые ведьмы гоняются друг за другом, вырываются из-за высоток и широких подворотен, сшибаются лбами, разлетаются, грозят расправой случайным прохожим. Рита шла от проезжей части по заметенной тропинке, но холода, ветра и колкого снега не замечала; она даже не подняла воротник шубки, только напряженно морщилась. Не оглядываясь, она знала, что за ней настойчиво идет парень, водитель «Нивы». Она только что сунула ему в руки деньги и выскочила поскорее, потому что по дороге, пока сидела позади водителя и урывками видела в лобовом зеркальце хищное скуластое лицо, наглые злые глаза, наслушалась от него всякого. Снег хрустел под его ногами. Каждый шаг за ее спиной отзывался уколом в сердце. Рита поспешно бросила взгляд по сторонам: на улице, как назло, больше не было никого. Она

завернула за угол. Слева тянулись заметенные снегом палисадники с голыми деревьями и кустами. Вот и подъезд дома, второй по счету, где жила ее подруга. А снег все хрустел за ее спиной, и еще, как ей казалось, слышалось хрипловатое дыхание преследователя, несомненно, готового на все.

Она сказала, полуобернувшись:

– Спасибо, что проводил. Всего доброго.

Парень зло и шутливо бросил ей в спину:

– А вдруг в подъезде тебя караулят? Ты ж красотка, а?

Рита набирала код, но пальцы едва слушались.

– Не думаю...

– Всякое может случиться.

Это прозвучало как угроза. Щелкнул замок. Рита потянула дверь на себя, поспешно зашла, но закрыть не смогла – дверь силой вырвали из ее пальцев. Парень шагнул за девушкой, а потом втолкнул ее в темноту.

Он прихватил ее за локоть, Рита попыталась вырваться.

– Тсс! Че, испугалась? – усмехнулся он. – Сказал же: я тебя провожу. Че непонятно?

– Не надо. – Она вырвала руку.

На этот раз он крепко ухватил ее за шиворот короткой шубки, не извернешься, и потащил за угол, к почтовым ящикам. Она рванулась изо всей силы. Парень толкнул ее спиной к стене, шагнул вперед, хлестко ударил ладонью по лицу. Рита задохнулась от боли. Он встал к ней вплотную. Его руки зацепили и подняли короткую шубку, сгребли за талию,

вырвали из джинсов свитер, жадно потянулись по телу.

– А ты горячая, – прошептал он. – Кипяток... Ишь, стройняшка какая...

Она уперла руки ему в грудь, но что толку? Он уже пытался расстегнуть ее джинсы. Все это парень делал, глядя ей в глаза, бешено и зло, и от этого было еще страшнее. Она хотела закричать, но сил не оказалось. Ее точно парализовало. Она была сейчас как рыба, выброшенная на берег, хватяющая ртом враждебный воздух.

Но желание позвать на помощь он прочитал в ее глазах: вот-вот закричит.

– Тсс, сучка. Молчи. Придушу. В машине не захотела – давай здесь.

Рита вырывалась что есть силы, но справиться с насильником не могла. Рывками он расстегнул ремень на ее джинсах, пуговицу, молнию, а сам лез губами к ее шее, к губам. Она отворачивалась, но он цепкой клешней ухватил ее лицо и впился в рот. Так хищник ломает пойманную жертву, впирается в горло, и та понимает: всё кончено.

– Сделаешь всё как надо – отпущу. – Он не говорил, а угрожающе сладострастно хрипел: – Слышишь? Давай, сучка, давай...

– Сволочь, сволочь... – с ненавистью повторяла она.

Отстранившись, он ударил ее по лицу. Еще раз. И еще. Парню это понравилось. У нее по лицу потекли слезы. Глаза застилало. Так жертва наконец затихает и сдается – еще

мгновение, и ее будут рвать на части. Но с отчаянием приходит и гнев. Еще в машине Рита приготовилась к такому повороту событий, но не верила, что до этого дойдет. Ее рука отыскала сумочку, улетевшую за спину, нырнула в нее. Она нащупала недавний подарок – ледяной, размером с ладонь. Вырвала его из сумки и приставила к животу парня. Гром оглушил обоих и покатился эхом по подъезду. Парень втянул воздух, его руки сразу ослабли, он отступил, глядя на нее выпученными глазами, уже не злыми, а до смерти испуганными, и, прохрипев: «Сука... падла... тварь...» – медленно повалился к ее ногам. Но выстрел застал врасплох и Риту. Она обошла корчившегося на площадке парня и бросилась вниз по лестнице; там сунула пистолет в карман. Она долго и судорожно искала кнопку, затем дверь ожила, и Рита выбежала на улицу. Все кружилось у нее перед глазами. Земля уходила из-под ног. Она едва не упала прямо на крыльце. Опомнилась, застегнулась, оправила шубку и бросилась куда глаза глядят. Остановилась, залезла рукой в карман. Теперь пистолет был словно раскаленный уголь – она швырнула оружие далеко в снег и побежала мимо домов. Метель выла и бранилась, закручивая воронками снег. У одной из многоэтажек, скрывшись в ночной тени, Рита прижалась к панельной стене рядом с заиндевевшей водопроводной трубой. Сердце бешено колотилось.

Сколько она так простояла, Рита не помнила. И вдруг не поверила своим глазам – на нее смотрела низкорослая соба-

ка. Такса. Смотрела с интересом, смешно повернув голову влево.

– Мика! Ты где? – услышала Рита мужской окрик. – Последний раз отпускаю тебя без поводка! А ну ко мне, негодная!

Собака быстро оглянулась на голос. На дорожке, выходя из-за дома, показался ее хозяин. Чуть помедлив, такса повернулась и смешно помчалась к нему на коротких ножках. Но хозяин собаки уже успел зацепить взглядом девушку, прижавшуюся к дому... К Рите подходил моложавый мужчина в дубленке с поднятым воротником, в пышной лисьей шапке. В руке он держал поводок. Такса осторожно шла рядом с ним.

– Девушка, что с вами? – подойдя и разглядев ее, заботливо спросил хозяин пса.

Она не ответила. Она все еще плохо понимала, что происходит и как ей быть.

– Вам нужна помощь?

Рита встретила его заботливый взгляд.

– Нет, – она замотала головой, – спасибо.

– У вас губа разбита... Вас обидели?

Рита коснулась рта, отняла пальцы – они остались в крови. Она вспомнила руку, которая хлестко била ее по лицу.

– Нет, все хорошо. Я поскользнулась. Сама виновата. Правда, – как можно убедительнее кивнула она, – все хорошо.

– Ладно. – Кажется, он не очень поверил ей. – Я могу чем-то помочь?

– Нет, спасибо.

– Вы уверены?

– Честное слово. – Она пожала плечами. – С парнем поругалась.

– Понимаю. Бывает.

Это прозвучало не слишком твердо. Рита постаралась улыбнуться как можно искренне:

– Собачка у вас милая, Мика.

– Да, она – чудо. Вы далеко живете?

– Через два дома.

Сочинять она умела – профессиональный навык. Только разбитая губа и выдавала ее.

– Ясно, – кивнул хозяин таксы. – Проводить?

– Нет, не стоит. Спасибо. Доброй вам ночи.

– И вам доброй ночи, – не сразу ответил тот. – Будьте осторожны.

– Конечно.

Заботливый мужчина в лисьей шапке еще постоял в нерешительности, думая, оставить девушку одну или нет, но потом решил: никто не звал, от его услуг отказались. Пора уходить.

– Мика, за мной, – сказал он и вскоре скрылся на дорожке за углом дома.

Последние силы Рита потратила на этот диалог. В ушах

все еще звучал гром выстрела в подъезде. Она сползла по стене, села на корточки и заревела, закусив шарф, утопив в нем лицо. Отчаяние и страх сковали ее. Сейчас ей казалось, что жизнь окончилась. Ее, Риты Сотниковой, больше нет на свете.

Часть первая. Какова жизнь на вкус

Глава первая. Крутая девчонка

1

В шестом классе, сдавая учительнице сочинение на тему «Мои Карловы Вары», Рита Сотникова еще не знала, что задание по литературе решит ее судьбу. Сочинение заняло первое место в районе, второе в городе. Первое досталось племяннику мэра. Женщина из отдела культуры, вручавшая девочке грамоту, назвала ее в тот день маленькой Жорж Санд.

Когда Рите исполнилось четырнадцать, она пришла в школу молодых журналистов, открытую при областной газете «Волжская заря». Начинала она, как и все, с заметок. В пятнадцать вышла ее первая статья о недавно построенном зоопарке. Ее прочитали все сотрудники газеты. Всегда мрач-

ный редактор с торжественным видом вручил ей почетную грамоту и подарочную кружку с эмблемой издания. Таким щедрым он бывал только со своими лучшими перьями.

А дело вышло так. Риту прикрепили к пожилой наставнице, матерой журналистке, начальнице отдела информации. Серафима Андроновна Польская, очень добрая женщина в очках с толстыми линзами, сказала:

– Вот что, манюнечка, у меня есть для тебя задание. Проведешь расследование. – Говорила она, как всегда, хриплым простуженным басом. Зацепив сигарету полными губами, Польская чиркнула спичкой, закурила. – В нашем зоопарке живет слон по кличке Цезарь. – Дым пополз в сторону Риты, юная корреспондентка морщилась, но терпела; в городской «Вечерке» все курили как паровозы и часто гремели стаканами. – Он трубит днем и ночью, не останавливаясь. Врачи его проверили – гигант здоров, но успокоиться никак не может. Это мне племянш рассказал. На слона жалуются жители соседних домов. По ночам он их доводит особенно. Поезжай и разнюхай, что к чему. Все ясно?

– Ага, – полная энтузиазма, кивнула Рита. – Разнюхаю.

Она взяла диктофон, блокнот, села в трамвай и поехала на край города, где рядом с жилым микрорайоном не так давно расположился зоопарк. Прошла через вахту по корочкам внештатника, посмотрела на полудохлого, растянувшегося вдоль тюремной камеры льва, изнывающего от скуки, на обезумевших от той же дикой тоски обезьян. Поглядела на дру-

гих животных с искалеченной судьбой и наконец выбрела на клетку со слоном. На табличке было написано: «Индийский слон, кличка Цезарь. Настоятельно просим не кормить».

Посаженный на цепь, слон медленно топтался на одном месте. Его словно пошатывало. Рита облокотилась о парапет.

– Цезарь, – наконец позвала она. – Це-за-арь, – повторила она по слогам.

Слон обернулся. В его глазах, она могла бы поклясться, блестели слезы. Ей стало невыносимо жалко этого опечаленного гиганта, попавшего в рабство.

– Цезарь, милый, – повторила Рита. – Что с тобой?

Возможно, ее голос тронул животное. Или настало время для нового сигнала? Цезарь похлопал короткими индийскими ушами, вскинул голову, поднял хобот и протяжно затрубил на весь зоопарк. Это был крик смертельной тоски. Так прощаются с жизнью. Или он хотел дозваться кого-то? Проститься с другим существом?

– Он уже две недели толком не ест, – сказал кто-то рядом. – Хобот воротит, чего ни дай.

Рита обернулась. На парапет облокотился пожилой работник зоопарка в серой форме.

– Посмотрит на бананы и уйдет в угол, – добавил тот. – Разве что не плюнет. Схуднул бедолага. Причем здоров, как наш ветеринар сказал.

– А почему?

– Да кто ж его знает? Животное оно и есть животное. Ска-

зять-то не может. А мы – гадай. Жители, что по соседству, говорят, как в джунглях живем. Просят усыпить, чтобы не мучился. Другие грозятся в бананы ему гвоздей насовать, чтобы издох поскорее.

– А кто за него отвечает, за Цезаря?

– Директор за него отвечает. Ветеринар отвечает. Я тоже отвечаю.

– А как с вашим директором поговорить?

Работник усмехнулся.

– А ты, милая, кто ж такая, чтоб с нашим директором разговаривать?

Рита достала корочки журналиста.

– Я – корреспондент «Волжской зари».

– А-а, тогда ясно. Молодая совсем, ишь, а уже корреспондент. В главном корпусе у нас директор сидит. Иван Иванович. Хороший мужик. Сразу не прибьет – считай, повезло. Сходи к нему, сходи, милая.

Рита быстро вышла к главному корпусу, смело открыла дверь в секретарскую, перешагнула порог и показала корочки.

– Я корреспондент «Волжской зари», мне нужно срочно поговорить с Иваном Ивановичем Полетаевым.

Секретарша смерила юную корреспондентку зорким оценивающим взглядом, немного подумала, но сообщила по селекторной связи о посетительнице. Уж больно девочка показалась ей самоуверенной.

– Пустите, – откликнулся тот.

Рита вошла в кабинет директора.

– Здравствуйте, – оглядывая скучную обстановку, сказала она.

– День добрый, – отозвался крупный мужчина в очках. –

Чем обязан?

Рита еще раз огляделась, на этот раз с нарочитым вызовом.

– А где головы кабанов и лосей? – вдруг спросила она. –

Стены-то пустые. Где рога? – Она обвела пальцем кабинет директора. – Где чучела львов, медведей и волков?

– В смысле? – нахмурился тот.

Она пожала плечами:

– Пустоват у вас кабинет, Иван Иванович. Кресло и диван почему-то не обтянуты крокодиловой кожей.

– Вы о чем это, девушка?

– Я о том, Иван Иванович, что ваш лев скоро сдохнет, обезьяны сойдут с ума, если уже не сошли, а самое главное: слон прощается с жизнью. Я сама слышала. О вас уже весь город говорит, что вы зверей тут морите. Вот об этом и будет моя статья, и даю вам слово, что она дойдет и до мэра, и до губернатора, и до международных организаций, которые борются за права животных. Я обошла ваш зверинец. Вы же целые виды со свету сживаете!

Директор вперил в девушку тяжелый взгляд, словно хотел заколдовать ее или грозно и сокрушительно завопить: «Во-

оон!» – но что-то ему подсказало: это не выход. С этой норовистой девицей не пройдет.

И он мрачно вымолвил:

– Садитесь.

Рита села напротив, достала диктофон и демонстративно включила его.

– Нет, выключите, тогда я все расскажу.

Рита немедленно выполнила его просьбу. Директор кивнул:

– Хорошо. Когда-то в городе Ильичевске, в соседней области, был большой зоопарк, но на его содержание не хватало денег. Ильичевцы стали искать спонсоров. Администрация нашего города, а мы побогаче будем, решила выкупить половину их зоосада. Мол, пусть детишки радуются, просвещаются. Устроили на Вороньих озерах, здесь, свой зоосад. Зверей, разумеется, поделили поровну. У них было два слона – одного им, одного нам. У них было два льва – одного ильичевцы оставили себе, львицу, кстати, другого, самца, забрали мы. Я недавно разговаривал по телефону с их директором зоосада – там сейчас буквально при смерти слониха Голубка. Тоскует по своему Цезарю. Жить не хочет.

– Вот в чем все дело, – взволнованно выдохнула Рита.

– Именно так, девушка.

– Но ведь их нельзя было разлучать? Они любят друг друга.

– Мало ли кто кого любит. Это что, Ромео и Джульетта?

Они – животные. Кто будет думать об их, так сказать, любви? А бизнес есть бизнес. Просвещение есть просвещение. И указание сверху, – он ткнул указательным пальцем в потолок, – тоже не шутка.

– Но тогда они оба погибнут.

– Это мы только теперь поняли, – тяжело вздохнул директор. – Ильичевцы тоже.

– Надо губернатора попросить исправить ошибку. И нашего, и того, ильичевского.

– Надо, надо. Только наш губернатор сейчас дорогами занимается. Это после того, как экскаватор посреди города сквозь асфальт провалился. Ему сейчас не до слонов.

– И очень плохо, что не до слонов, – парировала юная корреспондентка.

Она приехала в редакцию и сразу направилась к своей наставнице. Та, вздернув очки на макушку, вычитывала гранки.

– Серафима Андроновна, скажите, а кто у нас в газете ближе всех к губернатору города? Кто берет у него интервью?

Та опустила очки на нос и уставилась на Риту.

– А зачем тебе? – ответила вопросом на вопрос наставница.

– Очень надо. – Ответ прозвучал очень серьезно. – Потом расскажу.

– Это как-то связано со слоном?

– Напрямую.

– Хорошо. Кеша, – ответила журналистка.

– А кто это, Кеша?

– Иннокентий Павлович Самохвалов. Заместитель главного редактора и политобозреватель. Он ни одного заседания у губернатора не пропускает.

– Ясно, – кивнула Рита. – Спасибо.

Самохвалов приехал через два часа с заседания губернской думы. Рита немедленно направилась к нему.

– У вас знакомое лицо, девушка, – оглядев хорошенькую ладную гостью, сказал занятый большими делами замглавред.

– Я внештатник «Волжской зари», Рита Сотникова, – сказала та. – Работаю под началом Серафимы Андроновны Польской. У меня уже пятнадцать заметок вышло.

Самохвалов сел в кресло.

– Очень хорошо. Старание всегда похвально. А что от меня нужно? Сразу хочу сказать, Рита: у меня очень много дел.

– Скажите честно, Иннокентий Павлович, вы животных любите?

– Ну, даешь, – мотнул головой тот. – Собак люблю. А что?

– А слонов любите?

Замглавред уставился на нее с неподдельным любопытством.

– Тебя разыграть меня попросили? Кто? Садовников и Корецкий? Два наших весельчака? Предупреждаю, со мной шутки плохи.

– Нет, честное слово. Все очень серьезно. Так любите вы слонов?

– Вопрос, конечно, интересный. Слонов я уважаю, – уточнил он. – Так в чем дело, выкладывай.

– В нашем зоопарке умирает слон Цезарь, и только губернатор может ему помочь.

Замглавред усмехнулся:

– Каким же это образом?

– Образ есть, уж поверьте.

– Знаешь, чем сейчас занята голова нашего губернатора?

– Знаю – дорогами. Экскаватор провалился в центре города.

Он удивленно поднял брови.

– Читаешь прессу. Молодец. Через полгода к нам президент пожалует, – очень серьезно предупредил Самохвалов. – Какие у нас дороги? Как в кощеевом царстве. А если на месте экскаватора окажется кортеж первого лица? То-то. Думаешь, губернатору сейчас до слонов? До твоего Цезаря?

– Вы меня не дослушали, уважаемый Иннокентий Павлович. Одного губернатора мало. Помочь могут два: нашей области и Ильичевской. Попросите нашего уделить мне пять минут. Вы же там за своего, как мне сказали. Почти что правая рука.

Лесть – всегда лакомое кушанье, даже самая примитивная. Самохвалов прищурил глаза.

– Выкладывай, девочка, что у тебя на уме. Только коротко,

как будто заметку пишешь: что? где? когда? Время пошло.

Рита рассказала все по порядку. Она была так убедительна, что Самохвалов, задумчиво помычав, пошагав по кабинету, в конце концов, покачал головой:

– А почему бы и нет, кстати? Это тема. Я завтра встречаюсь с губернатором и поговорю с ним.

– Не забудете?

– Да как такое можно забыть? Слон, умирающий в зоопарке от любовной тоски, и девочка, – кивнул он на Риту, – которая спасает ему жизнь. Захочешь – не забудешь. Тема, – значимо повторил он.

Через три дня Рита, сияющая, едва способная перевести от волнения дух, выходила из кабинета губернатора. Юность и красота, искренность и желание изменить мир к лучшему подкупают даже сильных мира сего, часто огрубевших, занятых, как правило, масштабными идеями и делами. Губернатор позвонил своему коллеге губернатору Ильичевска, рассказал о драме из жизни животных. Оказывается, тому уже поступали тревожные сигналы из ополовиненного зоопарка. Два губернатора всё уладили в считанные минуты. Так и решаются вопросы на самом высоком уровне – чего тянуть ко-та за хвост?

– Ну ты даешь, Сотникова, – заглянув в отдел информации, сказал Самохвалов. – Ну ты и проныра!

– Грубое словечко, Иннокентий Павлович, – откликнулась та.

– Договорить мне не дала: проныра со знаком плюс. С жирным знаком плюс. Губернатора сразила наповал, кстати.

– Куем кадры, – с гордостью за свою протезе молвила Се-
рафима Андроновна. – Наша манюнечка свое дело знает.

Через неделю слониха Голубка была транспортирована в железнодорожном вагоне из одного волжского города в другой, а потом доставлена в трейлере в зоопарк на Вороньих озерах.

– Главное, чтобы у Цезаря удар от счастья не случился, – поделилась Рита с фотографом из своей газеты и корреспондентами других областных и городских изданий.

Когда Цезарь увидел свою Голубку, он заметался по клетке, и остановила его только цепь на ноге. Но как он трубил на этот раз! Голубка не снесла и не затоптала сопровождающих по той лишь причине, что находилась в полусонном состоянии от транквилизаторов. Ее возможное оживление на любовной почве было предсказуемо. Когда слоны оказались за решеткой вместе, два влюбленных узника уперлись друг в друга лбами, долго терлись щеками, хлопали ушами, и наконец два хобота переплелись в крепком замке. Вот когда фотоаппараты защелкали с особой силой. У счастливой Риты по пылающему лицу текли слезы. Она понимала, что сделала в своей жизни что-то очень важное. Впрочем, плакала не только она. Всхлипывали от умиления многие. Рядом с ней у парапета перед клеткой со слонами кто-то очень громко потянул носом. С таким звуком пробивается вода в засорившу-

юся раковину. Рита обернулась – это был директор зоопарка Иван Иванович Полетаев. Он утер платком глаза, взглянул на юную журналистку и по-дружески, как старого приятеля, обнял ее за плечо:

– Ну, ты и крутая девчонка!

– Спасибо, – улыбнулась ему Рита.

– Ей-богу. Даже не верится, что они вместе. – Он кивнул на слона и слоницу.

– А вот я верила, Иван Иванович, что все получится.

– Не меняйся, никогда не меняйся, – посоветовал счастливый Полетаев. – Может, они нам еще слоненка заделают. Дай-то бог.

Но слоницу Голубку отдали не просто так. Произошел обмен животными: в Ильичевск был отправлен полудохлый лев по кличке Симба, где по нему страдала его безутешная львица Нала. Им тоже друг без друга оставалось недолго.

Под материал Рите отдали целую полосу – тема того стоила. Статья называлась: «Вечная любовь, или Цезарь и Голубка снова вместе». Помимо удивительного сюжета, целого расследования со счастливым концом старшие товарищи подметили емкость фразы у юной коллеги, динамику повествования и даже литературный стиль.

Не менее слонов были счастливы жители окрестных многоэтажек – их больше не беспокоил трубный зов погибающего гиганта, только любовные переключки животных. После выхода статьи на оперативке главный редактор подарил вне-

штатной корреспондентке кружку с логотипом издания, вручил почетную грамоту, назвал Риту Сотникову героиней месяца и добавил, что теперь она посвящена в журналисты и он ждет от нее больших и сильных материалов. Все аплодировали. Серафима Андроновна крикнула хриплым прокуреным басом: «Браво, манюнечка!» Довольный, как все обернулось, кивал замглавред Самохвалов. Раскрасневшаяся от волнения Рита сияла. С этого дня жизнь представлялась ясной и светлой дорогой, по которой нужно идти смело, быстро и смотреть только вперед.

2

Однажды, когда родителей не было дома, она разделась донага и подошла к большому зеркалу в гостиной. Ее бедра совсем недавно призывно и обольстительно округлились, это случилось так быстро, Рита даже не успела заметить; она преображалась каждые полгода. Грудь по-женски налилась. Ноги были ровными и стройными. Тело – гибким. Недаром она занималась бальными танцами и плаванием. Рита себе нравилась. Она повернулась вокруг себя – один раз, другой. Длинные каштановые волосы рассыпались по плечам. Не так давно она сделала интимную стрижку, как у эротических моделей. Благо в Интернете примеров много, на любой вкус. На всякий случай. Рита понимала, что еще немного и ей придется раздеться перед своим принцем. Как же ей хотелось

приблизить этот день! Нарочито покачивая бедрами, – а на танцах этому учили, – Рита подошла ближе к зеркалу. В карих глазах с янтарным отливом блестели веселые огоньки. Улыбку было не прогнать с губ. Она вновь отошла подальше. «Несомненно, я привлекательна, – думала Рита, не совсем еще понимая себя, но обо всем догадываясь интуитивно, – даже очень хороша. Очень-очень! Мужчины должны сходить по мне с ума...»

В мыслях она вовсе не была невинной. Рита засматривалась на мальчиков, причем на многих, а мальчики на нее. Ей уже давно хотелось прыгнуть в любовную лодку, в которой плавают наперегонки взрослые люди, и отправиться как можно дальше от детства. С тремя ребятами из разных компаний под пиво, вино и сигареты она целовалась взад-вперед. Жадные руки одного из юношей уже исследовали ее ладное, полное энергии и желания тело. Но дальше этого пока что не шло. Это все были не те молодые люди. Так, провести вечер-другой и сбежать. Рита ждала большего, того, что увлекло бы ее, а в первую очередь – сердце, душу.

Всю ее без остатка.

Тогда у Риты и случился первый роман. Все в должный срок. И долгожданное бóльшее, как всегда бывает, пришло внезапно.

Она заканчивала девятый класс. Май был на исходе, впереди грезилось жаркое лето, полное приключений. Рита шла в булочную, когда что-то стиснуло ее в талии, она едва успе-

ла вздохнуть, а ее уже закружили, подняли к самым небесам. Стоило Рите опуститься на землю, обернуться, как она, еще не решившая, обидеться или испугаться, сразу узнала его. Это был Андрей Батюшков по прозвищу Лось, о нем мечтали все девушки в школе. Баскетболист, задавала. Лось жил в соседнем дворе. Забегая к подружкам, Рита часто засматривалась на высокого, легкого в игре плечистого парня, которому обойти противника на площадке и забросить мяч в сетку было самым плевым делом. И потом – Лось имел личный транспорт. Колесил по всей округе на новенькой красной «Ямахе».

– Ты ведь Рита? – спросил он.

Грудь ее все еще взволнованно вздымалась.

– Хватаешь девушку, а сам не знаешь, как ее зовут? – ответила она вопросом на вопрос. – Класс.

– Ну Рита, правильно?

– Только без ну. Просто Рита.

– Согласен. Меня Андреем зовут. Тоже ведь знаешь? – снисходительно улыбнулся он.

– Знаю, – призналась она и залилась румянцем, который выдал ее с головой.

– И кликуху мою знаешь?

– Знаю – дурацкая.

– Почему?

– С такой кликухой рога могут вырасти, вот почему!

Проснешься однажды утром, подойдешь к зеркалу, посмотришь

ришь на себя – и с копыт.

Лось громко заржал. Даже стайка голубей, собиравшая рядом с ними хлебные крошки, шарахнулась в сторону.

– А ты веселая, «просто Рита»!

– Стараюсь.

Он хитро прищурил глаза:

– Пойдем вечером в кино?

За такой вопрос все девчонки в школе отдали бы полжизни.

– Пошли, – ответила она. – А на какой фильм?

Андрей поморщился:

– А разница есть?

– Не-а, – покачала она головой.

– Тем более. Разберемся на месте. Я заеду за тобой в семь, нормально будет?

– В самый раз, – кивнула Рита. – На дороге за моим домом.

– Не хочешь, чтобы предки увидели?

– Много будешь знать, скоро состаришься.

Он поднял руки:

– Нет вопросов, «просто Рита».

В этот вечер она должна была сделать многое: выучить уроки, написать материал для газеты, прочитать главу из важной для нее книги. Все было отложено ради такого свидания, внезапного, долгожданного. Тем более что Лось учился в одиннадцатом классе, был старше на два года. А вот оставил взгляд на «малолетке».

Она решила поразить Андрея, завести его. Женское начало уже взялось вершить ее судьбу. Рита надела старые, вытертые добела джинсы, из которых выросла совсем недавно, еле влезла в них, едва втиснулась, зато как они облепили ее ноги, и приталенную джинсовую рубашку! Лифчиком она пренебрегла, рубашку расстегнула на несколько пуговиц от ворота только на тропинке, когда шла к дороге и уже видела за густой зеленью хорошо знакомый красный мотоцикл.

– Выглядишь – супер, – восхищенно сказал Андрей, когда она подошла к нему. – Просто конфетка.

– Спасибо.

– Ты когда-нибудь ездила на мотоцикле позади водителя?

– Нет, – замотала она головой.

– Что ж, тогда будешь учиться. Самое главное, держись за меня как можно крепче. И шлем надень. – Он отцепил запасной шлем и протянул его Рите. – Дай-ка, я затяну его покрепче, чтобы не слетел.

– А может?

– Всякое бывает, когда с ветерком.

Она надела ярко-красный шлем, Андрей заботливо подтянул ремешок у нее под подбородком.

– Не больно?

Близость его рук волновала ее.

– Нет, нормально.

– Хорошо, а теперь запрыгивай и держись за меня. – Он тоже надел шлем, но черный, который держал между ног. –

Держись крепче, это не шутки.

Рита перекинула ногу через кожаное сиденье, уселась поудобнее, вцепилась в мускулистый торс водителя. Лось газанул, отжал сцепление, и мотоцикл, ожив и заревев под ними, бешено рванул вперед, буквально полетел. У Риты разом перехватило дух, но она успела громко выдохнуть всем своим естеством:

– Кайф!

– А то! – отозвался ее вожатый. – Что еще будет!

Какой шел фильм, и впрямь оказалось не важно. Боевик с погонями и стрельбой, оглушительным грохотом, который был им только на руку. Лось купил билеты на самом дальнем ряду, где никто не сидел. Уже в самом начале фильма он обнял ее, поцеловал в шею, потом повернул ее лицо к себе и поцеловал в губы. Рита, закрыв глаза, отдалась течению прелюдии любви. Она позволила ему расстегнуть свою рубашку почти до ремешка джинсов, и уже скоро у нее кружилась голова от прикосновений горячих ладоней, от собственного желания, готового свести с ума. Именно этого она и ждала – этих рук, поцелуев, объятий и слов. А говорил он настойчиво, искренне шептал ей на ухо: «Ты лучше всех, котенок, ты – волшебная, ты – супер, хочу тебя...» Иногда нет для женщины ничего лучше самых простых, тертых-перетертых слов. Главное, чтобы шли они от всего сердца.

Андрей Батюшков точно не лукавил.

Объятия их продолжались в садике у ее дома, потом в

подъезде. Рита понимала, что попала в тот самый волшебный любовный вихрь, из которого уже нет пути назад – только вперед. И она готова была лететь, отдавшись этому порыву, безоговорочно положившись на судьбу.

Через пару дней, в пятницу, Андрей сообщил, что его родители уезжают на дачу на все выходные. Это означало только одно: они останутся вместе. И если у Риты получится умело соврать, то они смогут провести вместе ночь. Ради такой перспективы Рита нашла что сказать: экзамены на носу, дел невпроворот. Она переночует у подруги, они вместе будут готовиться к экзаменам по истории и литературе. Простая ложь и банальный предлог сделали свое дело – ее отпустили. Учиться.

И в ту ночь она училась на неширокой кровати Андрея Батюшкова по кличке Лось. Правда, кто еще и кого учил! Как и все ее ровесницы, Рита уже вдоволь насмотрелась порнушки по Интернету. Изучила, как ведут себя смелые и бесстыдные юные дивы, которых вожделеют миллионы мужчин по всему миру. Они были всего на три-четыре года старше ее. Раздевшись, она нырнула к нему под простынь, обожгла его прикосновениями и поцелуями. Тело желанного мужчины само обожгло ее, – такая близость, случившаяся в первый раз, сладко мутила разум. Потом она потянулась губами от его груди к животу и ниже, сразу ощутив, как тело его напряглось, подобно крутой пружине. Очень быстро простынь оказалась сброшена с кровати. И когда Андрей сгреб Риту

жадно, задыхаясь от желания, она, обхватив его ногами, отдалась этому порыву без остатка. Просто отключила голову, заставила забыть себя, что она пока еще просто девчонка, и устремилась за своей природой, желаниями, которые ненасытно и жарко будоражили ее воображение, все естество. И если Рите было немного больно, когда желанный молодой человек взял ее, то она не подала вида, только закусила губы. Все, как и должно было случиться в первый раз, закончилось быстро. Но поцелуи и объятия не заканчивались, и второй раз последовал вслед за первым. Только теперь она, Рита, оказалась сверху, вцепилась Андрею в плечи и, двигаясь, смотрела ему в глаза. Как ей было важно понять, что он сейчас чувствует – ей хотелось завладеть им полностью, без остатка. И это у нее получилось. В последний момент он схватил ее и прижал с такой силой, что мог бы раздавить, а потом долго удерживал, пока у нее не перехватило дыхание. Но своего она добилась. Потом Рита долго отдыхала на нем, слыша всем телом, как бешено бьется его сердце. У нее тоже пульсировало все внутри. Наконец, взмыленные и счастливые, они отвалились друг от друга.

– А кровать у тебя узенькая, – обернулась к нему Рита. – И тотчас прыснула: – Как в детском саду.

Андрей хохотнул и приподнялся на локте.

– Теперь куплю другую, – хрипловато заверил он. – На двоих.

– Я не против.

Он поцеловал ее в ключицу, в щеку. Свободной рукой обхватил бедро, повернул к себе... Но что-то было не так. Любownik выглядел смущенным.

– Что такое? – спросила она.

Андрей только что провел рукой вниз ее живота.

– Я думал...

– Что?

Он поднял руку. Даже при лунном свете было видно, что его ладонь и пальцы испачканы темным.

– Это кровь. А я думал, что у тебя не первый.

– Почему?

– Ты была такой...

– Какой?

– Супер, вот какой.

– Нет, я ждала тебя, – честно призналась Рита. – Но я рада, что тебе понравилось.

– Понравилось? Да я просто офигел...

– Значит, это любовь, – польщенная, рассмеялась она. – А теперь я схожу в душ. Надо простынку будет поменять. Ага?

– Ага, – выдохнул Андрей Батюшков. – Иди, котенок, я поменяю.

Все выходные они провели вместе. Счастливые выходные. Рита пару раз появилась у себя дома, была очень серьезной, рассказала отцу и матери, как упорно они занимаются с подругой историей и литературой, как важны для них эти занятия перед экзаменом. Как видно, у их умной дочки все шло

хорошо, поэтому и претензий не было никаких.

Как-то ночью они бежали от автобусной остановки – под проливным дождем, сцепившись за руки; смеялись; едва не растянулись в огромной, похожей на океан, луже, в потемках залетев в самую ее середину. Начерпали воды, совсем стали похожи на чертей. Потом он нес ее на руках. За квартал от дома Риты, точно о чем-то вспомнив, Лось быстро опустил ее. Чмокнул в щеку.

– Подожди, я сейчас! – рванувшись в сторону, уже на бегу бросил он. Рита, съежившись, стояла под деревом. И ждала чуда. Он вернулся скоро – как тот парень из старой полублатной песни – с букетом роз.

Лось был мокрый, счастливый, сильный. С исцарапанными руками.

– Прикончил клумбу у супермаркета? – заливаясь смехом, смахивая с лица дождевые капли, спросила Рита.

– Ага, – просто ответил он.

Встав на цыпочки, она потянулась к нему, обнимая за шею. А он, подставляя губы, все дальше отводил за спину розовый букет, чтобы острые шипы не укололи его девушку, любимую женщину.

3

Экзамены были сданы. Лето стояло в самом разгаре. Теперь Рита возвращалась домой поздно. Они не могли ото-

рваться друг от друга. Рита входила в свой подъезд, как и положено, в одиннадцать вечера, но домой чаще всего попадала за полночь – они еще часа полтора целовались на площадке первого этажа. Родителям хватало ума понять, что время не стоит на месте, их дочь вырастет, рано или поздно у нее должен был появиться любимый молодой человек.

Рита познакомила Андрея с родителями. Лось был сначала немного застенчив, но потом освоился. Кажется, он понравился ее отцу и матери. Спортсмен, открытое лицо, ясные глаза и улыбка. Одним словом, положительный герой. Главное, чтобы этот незрелый роман, справедливо думали они, не помешал их дочке учиться и стать собой, ведь у нее столько амбиций.

«У меня самый крутой парень в школе, – когда они устремлялись в клуб или в компанию друзей, оглядывая статного спутника, с гордостью думала Рита. – А по-другому и быть не могло».

Лось любил подразнить водителей за рулем своего мотоцикла, Рита, если в такие минуты оказывалась за его спиной, что есть силы прижималась к нему. Потом говорила, что никогда больше не поедет с ним – может один разбиваться, если хочет. Слава богу, ее родители их не видят. Заперли бы дома на полгода. Но потом вновь садилась к нему.

– Хочешь научиться водить мотоцикл? – как-то спросил Андрей. – Тогда и страшно не будет. Честно говорю!

– Хорошо, учи, – кивнула она.

С тех пор за городом, на заброшенном футбольном поле, заросшем репейником и травой, пустых боковых трассах он взялся учить ее вождению. У Лося с тринадцати лет был мопед, и он к своим восемнадцати уже был водителем со стажем, потому так легко и куражился за рулем. Первые два раза он сидел у нее за спиной, и, если было надо, заботливо и четко поправлял ее. На третий раз она уже сама накручивала круги по футбольному полю, а ее Андрей, стоя в середине, как дрессировщик в цирке, отдавал ей ценные указания.

– Тебе еще бы хлыст в руки, – во время передышки сказала Рита. – А мне в огненное кольцо сигать.

– С огненным кольцом подождем, – успокоил он ее.

Рита Сотникова была ловкой от природы. Кто-то – увальень, кто-то – растяпа, а вот она была именно ловкой. Поэтому быстро научилась ездить. Захотела бы жонглировать факелами – и это бы получилось. Втайне от родителей она окончила курсы вождения, трудолюбиво выучила дорожные знаки и уже скоро с ветерком вылетела на свою первую трассу. Рано утром пригородные бывают почти пустыми. Только фуры в основном и катят. Она давала газу, и теперь уже Лось, сидевший у нее за спиной, одергивал ее и просил быть осторожней. Рита смеялась его замечаниям – скорость, как и любовь, увлекла ее с головой.

В конце лета, когда Рита готовилась идти в школу, она обнаружила Андрея мрачнее тучи.

– Загребают меня, – сказал он.

– В смысле?

Они только что приземлились на скамейку в садике ее двора.

– Пришла повестка из военкомата, – вздохнул Андрей. – Этой осенью.

Рита совсем забыла, что у ее друга призывной возраст. Да он и сам об этом не заговаривал, игнорировал будущее, от которого был в двух шагах. Они жили одним днем и жили счастливо.

– А закосить никак нельзя? – спросила она.

Этот термин она слышала уже от многих.

– У родителей нет таких знакомых. И потом, я тебе говорил: отец у меня правильный, обманов не любит. Мол, все служат, и ты служи.

– А если в институт поступить?

– Это надо в такой, где есть военная кафедра, как мне сказали. В Авиационный, например. Но там такой конкурс, что закачаешься. Да и я был не слишком хорошим учеником в школе. Мне больше спорт по вкусу.

Рита загрустила.

– Да, это фигово, – вырвалось у нее.

Он взял ее руку.

– Но я ведь понимал, что придется туда идти. Просто не хотел об этом думать.

– А как же я? – требовательно спросила она. – Без тебя?

– Ты меня ждать будешь, писать, – убедительно ответил

он. – А я тебе. Каждый день. Будешь писать мне?

Она привалилась к нему, положила голову на плечо.

– Конечно, буду, глупенький.

Андрей крепко обнял ее.

– Ну, видишь, как здорово.

– Очень здорово, – пробурчала Рита. Она прихватила его за указательный палец. – Столько времени без тебя, Андрюш, да я с ума сойду!

– Ладно тебе. Все ждут. И потом, солдатам увольнительные дают, отпуска. Не в клетку же меня запрут?

– Это тоже верно.

Он с нежностью повернул лицо девушки к себе, поцеловал в губы.

– Наверстаем, котенок.

Наверстывать они решили уже теперь. Андрей снял в соседнем районе небольшую квартиру на месяц, купил надувную кровать. Потратил на это все свои сбережения. Зато теперь они ни от кого не зависели. Рита, хоть ей исполнилось только шестнадцать, заставила родителей отпустить ее. Те были против, но смирились. Спорить с их дочерью было сложно, себе дороже встанет. Андрей дожидался окончания ее уроков, и они ехали на его мотоцикле в свое гнездышко. Газету Рита на время забросила, гонки по трассам тоже. Хотелось подольше побыть вместе.

Заканчивался сентябрь, начались первые дожди. В начале октября Андрею предстояло прибыть на призывной пункт с

вещами. Только тут Рита вдруг почувствовала, что ее жизнь вот-вот изменится. Повернет и безжалостно потянет в другую сторону. На проводах в доме Андрея, когда его друзья поднимали тосты, а пиво лилось рекой, она была ни жива ни мертва. Голова кружилась, словно она только что сошла с бешеной центрифуги. Такого с двух фужеров шампанского не бывает. Родители Андрея поглядывали на девушку сына с нежностью и снисхождением одновременно. Нашел ведь себе совсем юную красотку, да надолго ли? Их совместное житье совсем их не радовало. Дети, куда им до взрослой жизни?

Далеко за полночь они взяли машину и поехали к себе.

– Не уходи, – сказала она Андрею ночью накануне его отправки. – Не надо.

Они только что занимались любовью, и теперь, обнаженные, лежали, вцепившись друг в друга. Было в этих объятиях что-то отчаянное и роковое.

– Как это, не уходи?

– Подверни ногу, сломай руку, только не уходи.

– Ты даешь – сломай руку!

– Мне кажется, случится что-то плохое.

– Что – плохое? – тревожно спросил он.

– Не знаю! – вдруг в отчаянии выкрикнула она и отстранилась. – Наш с тобой мир рухнет, рассыплется, вот что случится. Наш с тобой мир, Андрюша!

Он сгреб ее, сжал в объятиях, она попыталась вырваться, но не тут-то было. Из такой хватки запросто не освободи-

дишься. Сдавшись и всхлипнув, ткнулась носом ему в плечо. Она ревела навзрыд, плечи конвульсивно дергались. Такой прежде она никогда не была, даже напугала его. И себя тоже.

– Все будет хорошо, котенок, – убежденно сказал он. – Я не позволю случиться ничему плохому. – Андрей поцеловал ее в заплаканное лицо, в мокрые соленые губы. – Даю тебе слово.

Утром она провожала его у военкомата. Никого не стесняясь, они целовались до последней минуты. Не могли надыхаться друг другом. В сотый раз признались в любви.

– Отслужу полгода, и к тебе в отпуск на недельку. Потом еще полгода – и опять к тебе, – очень оптимистично пообещал Андрей. – Так у всех бывает. Ты, главное, жди меня, котенок...

Зареванная, Рита поклялась в верности. Обещала писать каждый день. Андрей уверенно сказал, что они поженятся в тот же день, когда он вернется. Хотя можно и в очередной отпуск. Затем была переключка и команда: «По автобусам!» Призывники уехали. Риту покачивало от горя. Она то и дело хлюпала носом. Ком стоял в горле. Юное сердце готово было разорваться, но не столько от расставания сегодня, сколько от предчувствия беды завтра. Родители Андрея сказали, чтобы она заходила к ним почаще. Рита пообещала.

Как выяснилось уже через неделю, Андрей попал в военно-морской флот. Рита представила его в бескозырке, на фоне бушующего океана, на палубе огромного корабля с ар-

тиллерийскими орудиями, и чувство гордости всколыхнуло ее сердце. Но позже ей позвонила мать Андрея, попросила прийти, и Рита стремглав прибежала к ним.

Мать Андрея сказала:

– Писать о таких вещах им не разрешается. Они присягу давали. Андрей передал мне на словах, а я – тебе. Он попал на атомную подводную лодку, сверхсекретную, которая месяцами будет бороздить океаны, и никаких отпусков им не положено. Вот отслужит свои два года, тогда и вернется. – Она вздохнула: – Ну сама подумай, что такое два года? Наши родители своих мужей все четыре ждали с войны и еще не знали, вернутся ли. Но письмо для тебя есть, – она светло и грустно улыбнулась, – там все про любовь. А про любовь, как сказали офицеры, можно и даже нужно.

В тот вечер Рита сидела с его письмом на кровати в своей комнате, потом, прижав его к груди, безмолвно повалилась на бок и поджала к подбородку колени. Так, калачиком, лежала долго-долго. Два года без права увидеться с любимым человеком представлялись воистину вечностью, пропастью, которая так внезапно пролегла между ними.

4

Рита оканчивала десятый класс. Ей только что исполнилось семнадцать. К тому времени у нее уже было достаточно публикаций, чтобы приходить в редакции нескольких город-

ских изданий как к себе домой. Ее недавно заметил местный журнал «Платформа», который уделял внимание острым социальным темам. С начальницей одного из отделов Жанной Елецкой, влиятельной в своей среде дамой лет тридцати пяти, Рита познакомилась на фуршете. Они разговорились, и Жанна предложила посотрудничать с ними. Рита, с ее неумной работоспособностью и жадностью всего нового, тотчас же согласилась. Тем более что красивая и стильная, остроумная и смелая Жанна показалась юной Рите образцом успешной современной журналистки, какой и она хотела однажды стать. А как, хоть и немного манерно, Елецкая курила длинные черные сигареты! Засмотришься. Таких дам в городской «Вечерке» днем с огнем не сыщешь. Только в крутых журналах.

С одним из заданий вышла особая история. Ей посоветовали написать об парне-фронтовике, прошедшем чеченскую войну и лишившемся в бою ног. Имя у него было такое звучное – Борис Броневои. Теперь, инвалиду, ему приходилось просить милостыню в метро. У Риты сердце сжалось, когда она увидела его в кресле-каталке, с пустыми от колен брючинами. В тельняшке, тощего. Только вот глаза у него бежали как-то странно и блестели чересчур лихорадочно. «Но ведь ему столько пришлось пережить», – подумала Рита.

– Я тут одно кафе знаю, – после короткого разговора сказал парень. – Не посидишь со мной завтра вечером? Там и договорим. Пожалуйста.

Рита не смогла отказать, но сказала:

– Я подружку с собой возьму, хорошо?

Борис пожал плечами:

– Как скажешь.

Вместе с Лерой Ромашовой они оказались следующим вечером в мрачном кафе «Мама, не горюй!», где собирались все местные выпивохи. «Ну и рожи», – прошептала Лера, едва они туда вошли. Борис встретил их немного поддатым, но в чистой рубашке, под которой виднелся уголок тельника, и новых джинсах, подвернутых у колен. Рита села рядом с Борисом – он сам, ловко управляясь с каталкой, отодвинул стул; подружка – напротив. Лера не подавала вида, но морщилась – в кафе смердело. Грязные скатерти; качающиеся, как кораблики на волнах, кособокие столы. Завсегдатаи только подтягивались, подходили работяги. На молодых людей поглядывали косо. Кто-то посмеивался, качал головой. Им принесли пива. Перед Борисом поставили еще и стопку водки. Лера с брезгливостью разглядывала свою кружку, особенно – ободок. Рита, набравшись смелости, отхлебнула. Она журналистка или кто? Все должна попробовать, как вот этот парень, герой, несчастный человек. Все должна испытать.

– За всех друзей, погибших в бою, – бросил калека-Борис и махнул стопку. – Традиция у нас такая, – объяснил он девушкам, закусывая селедкой с луком и хлебом. – У ветеранов.

Рита с пониманием кивнула. Борис взялся за пиво.

– Эх, красотки, ну, красотки! – проходя мимо и тяжело балансируя толстым задом, весело бросила краснолицая немолодая барменша. – И где, Борька, таких нашел, а?

– Не звезды, – огрызнулся боец.

Девушки переглядывались – обстановка была натянутой, Лера просто мучилась, озираясь по сторонам.

– Я только в последний момент того кавказца увидел с гранатометом, – опьянев после двух кружек, рассказывал Борис. – Потом взрыв – и все. – Он так и чертил глазами по Рите, по ее высокой груди, а когда опускал глаза – по бедрам, обтянутым джинсами. – Помню, весь в крови, а в ногах – холод...

После третьей кружки он дотянулся и положил руку на бедро Риты, совсем рядом с низким поясом, и горячо сдавил ее.

– Вы что, Борис? – Рита дернулась в сторону.

– Мы на «ты».

– Ты... что? – повторила она.

– Что-что, разве не ясно?

Лера уставилась на них, еще не понимая, что происходит.

– Ты бы пожалела меня, приголубила, – уперев в Риту темный взгляд обалдевших глаз, выговорил Борис.

– Я так не могу, – замотала она головой.

– А как ты можешь?

– Никак, – ответила она.

– Это почему же – никак? – уже зло спросил калека. – Ног нет, значит, никак?

– Во-первых, у меня парень есть, он сейчас в армии.

– Все вы так говорите. А во-вторых?

– А во-вторых, с какой стати? Я сюда работать пришла.

– Ну вот и поработай немного. – Он еще сильнее сжал ее бедро. – Да хоть рукой, ручкой своей нежной, я не обижусь.

Рита хоть и была смелой, но оцепенела. Все вышло так неожиданно, что она даже не успела решить, как себя вести. Это был не обычный уличный прилипала. До Леры наконец дошло, что к ее подруге нагло пристают, но, будто проглотив язык, она только хлопала глазами, переводя взгляд с Бориса на Риту и обратно.

– Мы уйдем, – сказала Рита. – Извини.

Она хотела было подняться, но Борис перехватил ее руку:

– А ну, стой! – Рита рванулась, но он дернул ее назад. –

Стоять!

На его крик оглянулись почти все. Кажется, барменша обо всем знала заранее. Может быть, видела такое не раз. Сцена забавляла ее. Она даже перестала протирать грязную кружку. пышное тело женщины уже дрожало в такт подступающему беззвучному смеху.

– Отпустите мою руку! – громко выговорила Рита, все же поднявшись и пытаясь вырваться из-за стола.

– Вы чего, вы чего? – глядя на безногого парня, злого, решительного, и тоже подскочив, бормотала Лера. У нее дро-

жали губы. – Вы чего, вы чего?

– А ты проваливай отсюда, – рыкнул он на подружку. И тотчас забыв о Лере, цепко удерживая рукав кожаной курточки Риты, глухо заговорил: – Стой, стой, стой!

Теперь барменша-толстуха просто заливалась смехом:

– Остынь, Борька, остынь! Не для тебя девки-то! Смотри, какие красотки! – кивала она. – Девулечки! Папкины-мамкины дочки небось! Ты Верку-метлу попроси, она тебя сама отымеет за твой недельный гонорар! – Барменшу просто трясло от смеха. – Только культы свяжет, чтоб не брыкался!

Хохоток загулял по забегаловке – в барменше ценили и гостеприимство, и разудалое чувство юмора.

– Да пошла ты! Пошла ты! – нервно дергая головой, огрызался Борис, не зная, с кем ему воевать. Коляска так и крутилась под ним. – Корова!

Барменша зло засмеялась:

– Ишь, «корова»! Сам-то ты кто? Фронтовик хренов!

Рита все-таки вырвалась, – рукав ее, затрещав, разъехался до самого локтя. Освободившись, она ударила сумочкой Бориса по глазам.

– Скажи спасибо, что инвалид! – отскакивая, выпалила она.

Теперь вся забегаловка, гогоча, пялилась на них – вот представление, и денег платить не надо!

– Ты им не сказал, как ноги под электричкой потерял, когда спиртягой упился? – громко продолжала барменша. –

Или забыл? Лапшу на уши вешаешь, Броневой! Ты же Пупкин по батьке своему, алкашу! В майку полосатую вырядился! Клоун!

– Суки! – не слушая барменшу, кричал вслед девушкам Борис. – Я вас еще найду и отымею! Поняли?! На ремешки порежу!

Тяжелое бранное слово выстрелило им в спину.

– Ладно, Борька, кончай балаган, – уже вдоволь насмеявшись и от кашля став пунцовой, приказала барменша. Она утерлась несвежим полотенцем. – Остынь, Борька, остынь, тебе говорю, а не то выгоню. У всякого своя судьба. Тебе милостыню просить, мне за вами, говнюками, кружки мыть и дерьмо собирать. – Он попытался разрядиться еще одной очередью мата, но толстуха уже не шутила. – Остынь – милиции нам еще тут не хватало! Если приведут – ноги здесь твоей не будет! – Барменша усмехнулась. – Обрубков твоих...

Подружки переводили дух на улице. Лера держалась за лицо, точно ее ударили. Неожиданно она заревела – совсем по-девчоночьи, взхлеб.

Рита, которую и саму трясло, прижала ее к себе:

– Ладно, успокойся. Сейчас на тачку – и домой. Вот сволочь. – Она недоуменно покачала головой. – Значит, под электричкой?

Уже в машине Рита взяла подругу за рукав:

– Слушай, я здесь выйду.

– Зачем?

– Так надо. – Она забралась в сумочку. – Диктофон у меня с собой. Тут один дядька живет, хороший. Мне с ним поговорить надо. Он будет дома, я знаю. Он всегда дома – работа у него такая. – Рита чмокнула подругу в щеку. – Пока, завтра увидимся. – И хлопнула рукой по сиденью. – Шеф, останови на светофоре!

На следующий день она вошла в редакцию «Платформы» и смело сказала:

– Материала об инвалиде не будет.

– Как это не будет? – спросила Жанна Елецкая.

– Вот так. Простите меня, Жанна Борисовна.

– Но... я его вчера читала. Твою заготовку. Это хороший материал.

– Плохой, – уверенно сказала Рита.

Жанна не понимала, что происходит с ее маленькой протеже.

– Ты нас подводишь.

– Он – липовый инвалид.

– Как это?

– А вот так. Ему ноги электричкой отрезало.

Жанна закурила длинную черную сигарету.

– Ничего себе.

– Ага. У меня есть замена.

– Какая?

– О гитаристе Иване Степановиче Подрядном. – Она за-

мотала головой: – О мастере, который делает гитары.

– И чем он хорош, этот мастер?

Рита пожалала плечами:

– Тем и хорош, что мастер. К нему даже из театра «Ромэн» приезжали – покупали инструменты. Дольский у него гитару заказывал – двенадцатиструнную. Это рассказ и о нем, и о тех знаменитых людях, для которых он работал. Материал тоже на две полосы.

Рита вытащила из сумки распечатанные листы.

– И долго ты над ним работала? – с сомнением глядя на рукопись, спросила начальница.

– Всю ночь, – просто ответила Рита. – И еще день, но это было давно. Полгода назад.

Жанна улыбнулась, взяла распечатку:

– Ладно, разбойница, я тебе верю. Ты ведь плохого не принесешь?

Рита отрицательно покачала головой:

– Не принесу, Жанна Борисовна.

Матерые журналисты просто диву давались прыти тоненькой, но очень смелой темноволосой девушки. И каждый спешил напороочить ей самое блестящее будущее.

Времени писать Лосю почти не было. Рита посылала ему свои статьи...

Глава вторая. Уроки Казановы

1

Незадолго до восемнадцати лет ее жизнь перевернулась. И не ожидала Рита этого, а случилось, потому что должно было. Она сама себе напорочила это, когда в последнюю ночь с Андреем рыдала на надувном сиротском матрасе в пустой комнате, обнявшись с любимым, говорила, что их миру придет конец, просила остаться... А он так и не понял ее.

Была весна, апрель. В тот день солнце обрушилось на город неистово, наполнив его до краев, застав врасплох всех – пешеходов, водителей, уличных собак и даже кошек, которые грелись на тротуарах, у старых городских подворотен, шурясь, лениво следя за движением на весенних улицах.

Рита шла по старому городу в короткой кожаной юбке, легком джемпере и рыжей кожаной куртке, в темных очках, с фотоаппаратом на боку. В наушниках билась и дрожала музыка в стиле диско – ей нравилось ретро... Она очнулась, когда, обогнав ее, на тротуар заполз серебристый «БМВ». Первым ее желанием было обойти машину. Но Рита все-таки остановилась, стянула наушники. Открылась сверкающая дверца со стороны водителя. Из салона пружинисто вынырнул роскошный, светловолосый, улыбчивый атлет в джинсах

и белой рубашке в синюю полоску, расстегнутой на груди. В рыжеватой поросли сверкала солидная золотая цепочка. Незнакомец был в темных очках, но обходя машину, легким жестом отправил их на макушку. Его глаза оказались пронзительно голубыми, улыбка на притягательных губах стала еще приветливей и шире.

Он встал в двух шагах от Риты, прямо у нее на пути. Стена, которую не обойдешь.

– Привет, – радушно сказал мужчина. – Я знал, что сегодня на улице этого города встречу свою принцессу. Позвольте вас подвезти. – Он положил руку на широкую грудь. – Куда вам будет угодно, хоть на край света – моя карета полностью к вашим услугам.

Рите показалось, что дорожное движение остановилось, пешеходы забыли о своих делах и заботах, все смотрят только на нее. И на атлета-искусителя. Ее снимали легко и нагло, перед всем миром, разве что не кричали в рупор: «Сдавайся, девочка!» Именно поэтому Рита упорно молчала.

– Вы же говорите по-русски? – чуть нахмурившись, весело спросил незнакомец. – Или... вы иностранка?

Она уже привыкла к такому вниманию. Сколько раз перед ней останавливались машины, сколько раз ей сигналили, с ходу делали предложения, порой самые откровенные. И как отвратительны почти всегда были эти ухажеры! Она уже научилась делать каменное лицо и проходить мимо, темные очки помогали. Иногда приходилось слышать в своей адрес

мерзкие слова. Но теперь все было иначе. Она мерила незнакомца требовательным взглядом – хотела найти хоть один недостаток, но не находила. Он был спортивным, чего только стоили одни плечи, могучий торс. Модная одежда. Очень открытое добродушное лицо. И голос – такой располагающий. Он был идеален...

– Еще как умею, – ответила Рита. – Я бываю очень разговорчива.

Незнакомец с облегчением выдохнул:

– Слава богу, а то я уж было испугался. Гарик, – представился он. – Можно просто покататься по городу, принцесса, – пожал он плечами так, будто они были знакомы тысячу лет. – Махнуть на вашу набережную, посидеть в кафе...

Голова у Риты кружилась от волнения. А как от него пахло дорогим парфюмом! И веяло силой, мужской силой...

– Так что, милая девушка? – переспросил супермен.

От таких предложений не отказываются. Разве что замужние женщины, преданные своим мужьям на все сто, но она-то свободна. Об этом последний год Рита вспоминала все чаще. Наконец, со сколькими мужчинами она сидела по редакциям, тянула вино или пиво, улыбалась им, флиртовала. А за ней отчаянно ухаживали, сыпали комплименты, раздевали глазами. Так чем хуже эта ситуация?

– Посидеть в кафе можно, – согласилась она.

В синих глазах Гарика пролетел огонек торжества.

– Супер. – Он открыл для нее дверцу и сделал красноре-

чивую отмашку левой рукой: мол, прошу.

Улица, затаив дыхание, продолжала следить за Ритой. Только когда на тебе темные очки, безразлично – смотрят на тебя или нет. «К черту», – подумала Рита, подошла и, легко забросив ногу, нырнула в автомобиль.

Уже в салоне он неожиданно повернулся к ней, взял за руку, нежно сжал пальцы:

– Сними, пожалуйста, очки. Хочу посмотреть в твои глаза. Мои ты видела. Они чисты, как и сердце, принцесса.

– Мы уже на «ты»?

– Конечно.

Она улыбнулась и сняла очки.

– Ну как мои глаза?

– О-о, я так и думал, как спелые вишни, – с наслаждением выдохнул тот. – Обожаю карие глаза с янтарным отливом. Кошачьи.

– Кстати, меня зовут Рита.

– Прелестно. Так что, в кафе на набережную, Рита?

– Ага, – кивнула она.

«БМВ» взревел и понесся по городской трассе в сторону одного из спусков к Волге.

– А ты откуда, Гарик? – спросила Рита.

– Из Москвы. У вас в длительной командировке. Кстати, мне не соврали, у вас очень красивые девушки. Какая-то особая порода.

– Это да, – улыбнулась Рита.

Глядя, как впереди на ярком солнце щедро золотится великая река, они слетели вниз мимо парков, разбитых по крутым склонам, и понеслись вдоль набережной.

– Тут есть кафе «Радуга», еще квартал, и будем на месте, – объяснила Рита.

«БМВ» был припаркован, они зашагали в сторону кафе. Скоро уже сидели под тентом и пили шампанское.

– Я – журналистка, – самоуверенно констатировала Рита. – А кем работаешь ты, Гарик? По какой части командировка?

– Чувствуется профессиональный напор, – кивнул он. – Я директор филиала русско-итальянской фирмы «Рококо», мы изготавливаем эксклюзивную мебель для богачей. У вас открываем филиал. Город ваш богатый и наглый, толстосумов немерено. Москва в миниатюре. Для нашей фирмы – в самый раз.

– Да, городок у нас что надо, – согласилась она. – И что просят заказчики?

– Ну, много чего. Некоторые просят создать им гостиную, кабинет или спальню строго той или иной эпохи. Барокко, рококо, классика, ампир, модерн. Чтобы это был дуб, или орех, или красное дерево, например, с золотой инкрустацией. – Он достал пачку сигарет, вальяжно откинулся на спинку красного пластмассового кресла, закурил. – Ты не против?

– Нет, если угостишь.

– С удовольствием, принцесса.

Гарик протянул ей пачку. Рита зацепила губами сигарету, Гарик щелкнул зажигалкой.

– Одним словом, – вновь откинувшись на спинку кресла, продолжал он, – любой каприз за ваши деньги.

Болтать с Гариком было приятно. Смотреть на него еще приятнее. От него исходила именно та сила, перед которой не умеют и не желают устоять женщины... Рита заметила, как две ее ровесницы, приземлившись за соседний столик, с завистью смотрят в ее сторону. Теперь оставалось решить, как поступить ей? Об этом она думала, слушая брутального собеседника вполуха, часто и нервно затягиваясь сигаретой. Сейчас решалось многое. Переворачивалась с ног на голову вся ее жизнь.

– Рита, ты здесь, со мной? – раздавив окурочек в стеклянной пепельнице, спросил ее супермен. – Или я тебя теряю?

Она опомнилась.

– Прости, Гарик, я прослушала. – Она улыбнулась его избитой шутке, брошенной очень к месту; надо было что-то соврать, и она нашлась сразу же: – Ради нашей с тобой прогулки я пропустила одно важное мероприятие. А я уже заявила статью на оперативке. – Рита невинно улыбнулась: – Да еще шампанское и сигарета, – она изящно махнула окурочком, – вот и голова кругом.

– Понимаю, – кивнул он.

– Так что ты говорил? – переспросила она.

– Говорю, в Италии работают великие мастера, а в России жируют толстые кошельки. Я – менеджер, и моя забота – свести два конца вместе и завязать прочный узелок. В этом суть моей работы, и у меня это получается очень хорошо.

Раздавив окуроч в пепельнице, Рита подняла бокал:

– Тогда за прочные узелки, Гарик?

– Мудрый тост, – согласился ее новый знакомый. Он потянулся к ней, взял ее руку в свою. Сжал пальцы девушки так, как пожимают друг другу руки только любовники, и тотчас горячая волна прошла по всему ее телу. – За очень прочные узелки, Рита. – Он не отпускал ее руки. – Я очень благодарен, что ты выбрала меня в ущерб работе, и постараюсь не разочаровать тебя.

– А где ты остановился, кстати?

– В «Метрополе», в пентхаусе, фирма платит. А какой у меня вид с лоджии! Кажется, всю Волгу видно. Все ваше Заповжье. Красотища.

– Покажешь?

Голова и впрямь шла кругом, так она волновалась. Сама предложила: быстро, безоглядно, наверняка.

– Конечно, милая девочка, – все понимая и уже загораясь, ответил он. – И шампанское закажем, самое дорогое, обязательно с икоркой черной или красной, на твой вкус. Фирма платит.

Они ехали к нему в гостиницу. Рита молчала, глядя в окошко на знакомые улицы. Все уже было сказано. Увертю-

ра отзвучала. Она думала об Андрее Батюшкове, который сейчас бороздил моря и океаны, служил родине. А родина так и не отпустила его в отпуск с засекреченной подводной лодки, даже ради возможной женитьбы. И просьбы родителей не помогли. А она, Рита, ждала, честно ждала. Прошло уже больше года. Думала о своем парне, когда ласкала себя в ванне, под шум воды и музыку, или в постели, стараясь быть тихой, только закусив подушку в последние секунды. Она была честной. Ей стоило великого труда уклоняться от предложений, хотя они щедро сыпались на нее, где бы она ни появилась, оставаться верной любимому человеку, который сам на краю земли сходил по ней с ума и непрестанно писал. Какие же трогательные письма пишут солдаты в свободные минуты, сами о том не догадываясь! Письма с темной стороны луны. Иногда из ада, куда их швырнула рука беспощадного государства. И, читая эти строки, почти всегда сквозь слезы, она повторяла: «Дождусь, Андрюша, дождусь...» Увы, не дождалась...

– Вот и мой зеркальный небоскреб на холме, – сказал Гарик.

Скоро он припарковался на стоянке. Холл, лифт, номер люкс в пентхаусе. Рита сбросила туфли, оставила в прихожей курточку и двинулась по апартаментам. Она шла осторожно, словно кошка, которая оказалась в новой квартире, где нужно заглянуть в каждый уголок, все обнюхать и все рассмотреть. Обнаружила широченную лоджию, вышла на нее.

И впрямь, все Заволжье открывалось перед ней как на ладони, залитое солнцем, с коврами полей и лесов, притоками Волги и озерами.

Гарик подошел сзади и обнял ее, прижал к себе. От этой близости она тотчас поплыла. Рита откинула голову ему на плечо. Потом они целовались долго и жадно. Ей было ясно – из этой хватки уже не вырвешься, она в его власти. Но была счастлива и готова подчиниться, выполнить любую прихоть. Он забрался руками под ее джемпер. Прелюдия была сыгранна, теперь только двигаться дальше.

– Я в душ, хорошо? – спросила Рита.

– Не надо, – снимая рубашку, хриповато ответил Гарик. – Хочу чувствовать твой запах.

– Кожа немного соленая – весь день ходила по городу, – объяснила она.

– Вот и отлично. – Он целовал ее в шею. – Запах твоего тела – это наркотик, милая...

Гарик взял ее за руку и повел в спальню. Ее поразили огромная постель и две гигантские вазы по краям. И еще – зеркало в человеческий рост. Она почему-то стеснялась его. Там, в этом зеркале, происходило что-то удивительное: она поднимала руки и кто-то, едва знакомый, стоявший за спиной, брал у талии ее легкий джемпер и тащил его вверх – ее обволакивал запах духов, по лицу рассыпались волосы. Он расстегнул молнию на ее юбке, она стащила ее с бедер. Целуя в лопатки и ниже, стринги он стянул с нее сам. Она ока-

залась раздетой – случилось это притягательное и одновременно пугающее: словно в зеркале она оказалась открытой всему миру, и смотреть на нее было доступно каждому. Ей нечего стесняться – ни одной линии в своем теле, ни одной черточки в лице. Все было таким, о чем может мечтать любая женщина. Просто непонятно почему, она боялась встретиться взглядом со своим отражением.

Какое счастье, что люди не знают, чем занимаются любимые, когда их нет рядом. Если бы Андрей Батюшков сейчас увидел ее, плавая по своим далеким морям-океанам, то бросился бы от горя в пучину и обратился бы рыбой или осьминогом, только чтобы не испытывать этого – разочарования, горя, боли, обиды...

– Как же ты хороша, – держа ее за плечи, горячо сказал Гарик. – Воистину – принцесса, слова из песни не выкинешь.

Он легко разделся сам, оказавшись похожим на античного героя. Рита отвернулась от зеркала – хватит. Все уже решено – и обвила руками его шею. Она решила быть отчаянно смелой, коли вызвалась сама, потому и руки ее были смелыми, и глаза, и тело, которым она прижималась к нему. Гарик подсек ее под коленями, подхватил и понес на кровать...

Лицо Риты было в поту, когда она лежала на спине и утомленно смотрела на огромную почти дворцовую люстру.

– Ты – животное, Гарик, – обернувшись к нему, сказала она. – Знаешь об этом?

Ее глаза осоловели от удовольствия.

– Знаю, – усмехнулся тот. – Рррр!

Она должна была спросить:

– И ты заранее знал, что все этим закончится? Я не откажу тебе? Брошусь к тебе в постель?

– Разумеется, знал.

– Самоуверенный наглец.

– Ты этого хотела сама – я прочел это по твоим глазам.

Наука простая на самом деле.

– Тебе никогда не отказывают?

– Во-первых, я не чокнутый Дон Жуан и не пристаю к замужним женщинам с целью соблазнить их. Изломать их душу, подчинить себе. Наставить кому-то рога. Да боже упаси! Можешь смеяться, но я чту семейные узы.

Рита прыснула.

– Ага, так я и поверила.

– Это правда. – Он с упоением выдохнул: – Я, скорее, Казанова с определенными моральными принципами.

– Ого!

– Да. А во-вторых, – он протянул руку и коснулся указательным пальцем ее носа, – заметь, мне нравятся молоденькие девочки вроде тебя, от которых еще вчера молоком пахло. А теперь пахнет, как от райской цветочной поляны. Ваша нежная кожа, блестящие глаза. *Твои* блестящие карие глаза, – уточнил он. – Горящие агаты. Нравится отчаянная юношеская смелость. Желание набраться любовного опыта, броситься в водоворот любви, как в омут с головой. Скажи чест-

но, ты же бросилась, как в омут?

– Еще как бросилась, – подтвердила Рита.

– Ну вот. Теперь тебе ясна моя концепция отношений?

– Ясна. Вроде как, – добавила она.

Он нахмурился:

– И потом, что значит «этим все закончится»? У нас все только еще начинается. Мы в преддверии райских куш. Я возьму тебя за руку и поведу в эту чашу, где не будет никого: только мы с тобой.

Рита положила руку на его упругий живот, нежно выпустила коготки:

– Хочешь свести меня с ума?

– Ты обречена.

– Говорю же: наглец.

– А пока что пойдем на лоджию, выкурим по сигаретке.

Сделаем по глотку вина. Не против?

– Только за, – согласилась Рита.

Он спрыгнул с кровати первым.

– Мне бы халат, – сказала она.

Гарик протянул ей руку:

– Не нужен тебе никакой халат. – Он поймал ее пальцы и потянул на себя. – Пошли, моя принцесса. Предстань этому миру такой, какой тебя создал Господь. Он радуется, глядя на тебя. – Гарик рассмеялся: – Ты – венец его многолетнего творчества.

Рита похлопала его по крутым накачанным ягодицам.

– Уверена, глядя на тебя, он радуется тоже.

Все в его теле было идеально.

– И это я знаю, девочка, – легко подтвердил Гарик.

Как же с ним было все просто. Да, теперь она и впрямь оказалась его принцессой. Гольшом они курили на лоджии с распахнутыми окнами. Рите было удивительно хорошо. Еще никогда она себя не чувствовала такой естественной, свободной и сильной одновременно. Опытный Гарик поделился с ней чем-то очень важным, чем никогда бы не смог ровесник, просто молодой человек. Например, тот же Лось. Это была не романтическая любовь, а огонь плоти, что-то вакхическое – и самого высокого накала. А ведь она ждала такого поворота в своей судьбе – мечтала о нем долгими одинокими днями и ночами, пока дожидалась своего Андрея.

Когда сигарета была выкурена, Рита сказала:

– Вот теперь я точно в душ.

– Хорошо. Я сделаю звонок и присоединюсь к тебе.

– Жду.

Горячая вода окатила ее с головы до ног. Задрвав голову, подставляя лицо колким струям, она счастливо жмурилась. Скоро дверца кабинки открылась, и Гарик обнял ее.

– Я сделал заказ – скоро принесут шампанское с икрой.

– Так черную или красную? – не открывая глаз, спросила

Рита.

– И ту и другую – на всякий случай.

– Фирма платит?

– Разумеется. – Он вцепился в ее ягодицы, легко поднял Риту, и она послушно обхватила его ногами. – Все что угодно за вашу красоту и дикую сексуальность.

Целуясь с Гариком, девушка крепко обняла его.

– Так я дико сексуальна?

– Как лесная кошка, вот как.

Рита засмеялась.

– Наверное, это комплимент.

– Еще какой, поверь мне на слово.

2

Гарик много времени уделял работе, но для этого он и приехал на Волгу. Филиал «Рококо» закупал оборудование, набирал штат сотрудников, осуществлял разработанный бизнес-план. Днем и Рита посвящала себя профессии – статьи в разные издания шли своим чередом. Она работала с небывалым прежде вдохновением. Всё в ее жизни ладилось, и каждая грань этой юной жизни сверкала алмазным светом. Тексты рождались как по мановению волшебной палочки. Несколько информационных заметок Рита отправила в московскую прессу, их с радостью опубликовали и попросили еще.

В курилке «Платформы» Жанна Елецкая заботливо, но с легкой иронией заметила:

– Глаза у тебя счастливые, девочка, просто сияют.

Все называли ее снисходительно – «девочкой». Когда-то Рите это нравилось, но теперь стало раздражать.

– Счастливые, потому что я счастлива, – ответила Рита.

– Значит, не дождалась своего моряка? Нашла другого? Принца на серебряном «БМВ»?

– Он не принц, – выдыхая белой струйкой дым, сказала Рита. – Он – король.

– Видела я твоего короля в окно – стопроцентный самец. Могу тебя понять: перед таким устоять практически невозможно. Любая брякнулась бы на лопатки. Все и так удивлялись, какая ты верная. – Она рассмеялась: – Наши ребята даже пари заключили, как скоро ты сдашься. И к кому в койку залетишь.

– Правда?! – вырвалось у Риты. – Вот козлы.

– Почему козлы? – Жанна с усмешкой пожала плечами. – Мужчины. – Она сделала затяжку. – Кто он, если не секрет, этот твой король?

– Успешный бизнесмен.

– Наш или гастролер?

– Гарик тут в длительной командировке – рано или поздно уедет.

– Ясно – гастролер. Все наши мужички ему завидуют. – Жанна раздумывала. Но какая женщина удержится от подобного вопроса: – И как он? Ну, ты понимаешь? В постели?

– Зверюга, – вспомнив об очередной бурно проведенной ночи, самодовольно улыбнулась Рита.

И вдруг ей стало стыдно. Рита глубоко затянулась, наблюдая, как ползет огонек по сигарете, оставляя огненный пепел.

– Если бы Андрей мог приезжать ко мне раз в полгода, на пару дней, хоть на сутки, – я бы дождалась, – твердо сказала она. – Но так я не смогла. Зачем издеваться над ребятами? Заперли в железной банке и бросили под воду. Крепостное право, по-другому не скажешь. И зачем мучить тех, кто их ждет днем и ночью? Садизм какой-то. – Она задумалась. – Но я не жалею, что встретила Гарика. Когда тебе что-то дают, – я не только про деньги, удобства, хорошую жизнь, а многое другое и дают щедро, учат тебя, надо брать. Рвать зубами и когтями, как голодная кошка. – Елецкая смотрела перед собой и загадочно улыбалась. – Разве не так, Жанна Борисовна? – Теперь уже легкая ирония прозвучала в голосе Риты. – Только честно?

Все знали, что роскошная дама Жанна Елецкая давным-давно была любовницей местного медиамагната – Льва Витальевича Вершинина, которого отбила у жены, умело пользовалась этой связью, поднялась через их отношения, пока они что-то не поделили с любовником и не разлетелись в стороны. А еще поговаривали, что в дело вмешалась совсем молодая журналистка – бойкая, напористая, подающая надежды, и, в конце концов, Вершинин, старый греховодник, отдал предпочтение юности. Одним словом, роковой бумеранг вернулся к разлучнице.

– Именно так, – кивнула Жанна. – Бьют – беги, дают – бери. – Она потушила окурок. – Идем работать. С тебя к концу дня материал на полполосы. И не тяни, красотуля.

С родителями Рите пришлось быть строгой, почти безжалостной. Она сказала: «Иногда я не буду ночевать дома». – «Но где, у кого?» – «У мужчины», – ответила она. «Но ведь Андрей еще не вернулся?» – «Да, не вернулся. У другого мужчины». – «Но как же так? Разве это правильно?» – ошеломленная, спрашивала мать. «А разве правильно забирать молодого человека у его подруги и даже не давать им увидеться? – отвечала вопросом на вопрос Рита. – Все вопросы к министру обороны». И потом, она совершеннолетняя и вольна распоряжаться жизнью по своему усмотрению. Отец хотел было возмутиться, метнуть гневную молнию на правах хозяина дома, мол, что за разврат такой, но и тут Рита нашлась. Если родителям что-то не нравится, она может снять квартиру или комнату на худой случай. Любовник поможет. В одном она солгала: дома она теперь почти не появлялась, все ночи Рита проводила в «Метрополе», в зеркальном небоскребе на берегу Волги.

Зато каким блаженством было выходить по утрам нагишом на широкую лоджию, когда июньское солнце только наливалось теплом землю. Цеплять губами сигарету у открытого настежь окна, закуривать, глядя на волшебную панораму внизу: широкую, растянувшуюся вдоль реки улицу, по которой пролетали редкие машины, на гряде деревьев и кустар-

ников, тянувшихся в обе стороны, на кафешки, густо разбросанные по набережной, и дальше – на еще пустой пляж за ними, где в это время грелись только всякие чудачки, например, загоревшие дочерна тощие пенсионеры; на разнокалиберные теплоходы и баржи, проходящие вниз и вверх по Волге, катера, спешащие по синей зыби к притокам и заливам, турбазам и частным домам. Она приняла запах к собственным ароматам: они были новые. От нее пахло истерзанной за ночь постелью, мужчиной, немного вином, дорогими сигаретами.

– Завтра с утра поедем на ту сторону, – однажды утром, обняв ее сзади, сказал в субботу Гарик. – Я уже и катер арендовал – милый кораблик, кстати. Мотор – тысяча лошадей. Разве что не летает. Наберем вина, мяса, фруктов – и туда, в Заволжье. Купаться и загорать, плескаться и беситься – без лифчиков и трусов, – сладострастно промычал он ей в шею.

– Класс, – ответила она и повернулась к нему. – Это здорово, когда без трусов, – обнимая и целуя его, закончила мысль Рита. – Вот как сейчас.

– А то, – усмехнулся Гарик. – Еще как здорово. – Он мял и мял ее в своих объятиях. – Ты уже чувствуешь, какова жизнь на вкус, это хорошо, детка моя, – утвердительно сказал он. – Будем заниматься любовью в песке, как дикари, под палящим солнцем, а потом бросаться в речную пучину. Сегодня вечером пробежимся по магазинам, кстати, все закупим. И на зорьке – на ту сторону.

...Катер несся по Волге так быстро и грозно, разбивая днищем волны, что и впрямь было ощущение – еще немного, и он взлетит. Два раза они пролетели вот так перед самым носом двух белых лайнеров, один даже недовольно прогудел им. Эти опасные пируэты Гарик вытворял нарочно. Когда оказались на той стороне, долго ходили вдоль берега, искали место, но повсюду был муравейник – отдыхающие густо усеяли прибрежную зону. Всюду были дома и палатки, горели или остывали после ночи костры, тут и там поднимались дымки, на отрезках прибрежного золотого песка всеми красками пестрели уложенные покрывала, на которых нежились в утренних лучах загоревшие волжане. Острова, поросшие ивняком и рассекавшие Волгу по ее течению, тоже оккупировали редкие палаточники, в основном молодежь. А еще были рыбаки в утлых турбазных лодочках, на катерах или резиновых лодках, все они ловили на донку щуку и судака, леща и окуня и мешали Гарику и Рите.

Тогда они вернулись, вошли в приток Волги – Воложку и, прибавив оборотов, против течения пошли по синей реке вверх. А солнце уже начинало припекать, пора было где-то остановиться. Но и тут были разбросаны дебаркадеры, турбазы, лежали и плескались на песке неутомимые волжане, за долгую осень, зиму и весну стосковавшиеся по солнцу.

– Мне это начинает надоедать, – с раздражением проговорил Гарик. – Может, стоит попутно заняться турбизнесом?

Надо пораскинуть мозгами.

Рита стояла позади капитана, обняв его, в самом открытом купальнике, какой только можно было придумать, и бу-тафорской капитанской фуражке, белой, с нелепым якорем на околыше и гнущимся козырьком. Это был подарок любовника. Он сам надел эту фуражку на нее, а другую, побольше, на себя, когда они забрались на катер. «Супер, можно снимать порнушку на корме», – сказал Гарик. «Ну!» – недовольно отозвалась Рита. «Почему ну? У нас бы с тобой получилось». Она неожиданно засмеялась: а ведь он прав, у них бы вышло. «И где твоя камера, режиссер?» – спросила она. «Возьму в следующий раз, – откликнулся он. – Будет память потомкам».

Катер то притормаживал, то вновь набирал ход. Они ушли уже очень далеко вверх по Воложке.

– Сколько человек живут у вас в городе? – недовольно спросил Гарик.

– Миллиона полтора, – пожала плечами Рита.

– Точно, я же проверял. Но кажется – больше. Тут валяются все, у кого нет денег на Турцию, Эмираты и Египет. Бедная, бедная Россия. Нет, стоит развернуть турбизнес. Особенно к вам повалят сибиряки-нефтяники. Им эти края раем покажутся. А бобла у них – немерено.

– Вижу, вижу! – перебив его и вцепившись в локоть, вдруг завопила Рита.

– Что?

– Вон пляжик! Вон! – Она указывала рукой направо, где золотился чудесный пляж, одинокий среди зелени, с тяжелыми осокорями, склонившимися над водой. Дальше шли только предгорья Жигулей, поросшие лесами.

– Право руля, – грозно скомандовал самому себе Гарик и крутанул штурвал; катер воодушевленно взревел и, хлопая днищем по волнам, рванул к берегу.

Панорама разрасталась быстро, и скоро крылатый белый катер врезался в золотой песок. Было что-то дикое в этом пейзаже. Далеко за пляжем поднимались Жигулевские горы, а тут Волга подмывала древние осокори в три обхвата, и обнажившиеся корни, будто окаменевшие змеи, кольцами выходили из-под песка и воды.

– Лепота, – окрыленно выдохнул Гарик. – Ради такого места нам стоило проделать этот путь. Оглянись. Мне тут нравится, детка.

– И мне, – подхватила Рита.

Девушке тем более было приятно, что именно она нашла этот дикий уголок природы. С пакетами, где были еда и выпивка, они выбрались на берег. Расстелили огромное покрывало в тени, разложили еду, тарелки и пластмассовые приборы. Устроились на покрывале. Гарик откупорил бутылку каберне, разлил вино по стаканчикам.

– За нас? – спросил он.

– Ага, – весело ответила Рита и непроизвольно потянулась к нему.

Гарик сладко чмокнул ее в губы. Они выпили вино. Рита подхватила персик, Гарик взял сладкий белый виноград.

И тут случилось непредвиденное. С другой стороны пляжа слышались голоса, потом высыпали трое детишек разного возраста с надутыми утятами вокруг поясов, за ними мама и папа, а потом еще и бабушка.

– Вот тебе и терра инкогнито, – пробормотал Гарик. – Да что ж это за издевательство такое?

На них тоже обратили внимание, особенно на дорогой белый катер. Дети плескались и визжали, за ними бухнулись родители, а потом, осторожно, вошла в воду и бабушка.

– Я тоже хочу искупаться, – сказала Рита. – Испеклась, пока ехали.

– Пошли, – подхватил Гарик.

Они искупались, вернулись на покрывало. Гарик налил им еще вина. Дети визжали и прекращать не собирались. Им было очень хорошо бултыхаться у берега. Хоть соседи резвились на той стороне пляжика, но все равно было громко и назойливо.

– Они мне мешают, – после третьего стаканчика вина сказал Гарик.

– Ага, – вторила Рита. – И мне.

Гарик встал и демонстративно снял плавки.

– Ты чего это? – осторожно спросила она.

– А того это. Вставай.

– Зачем?

– Надо.

Рита встала.

– Раздевайся, – приказал он.

– Да ну...

– Не да ну, а раздевайся.

Его тон был повелительным, как у хозяина.

– Топлес? – осторожно спросила она.

– Полностью.

– Я так не могу.

Пока в их сторону еще не посмотрели.

– Можешь, поверь мне.

Рита потянула за ленточку, и лифчик оказался в ее руках.

– Отлично, – кивнул Гарик. – Теперь плавки.

– Ну нет.

– Именно, детка. С какого перепуга мы должны подстраиваться под чужую жизнь? – кивнул он в сторону невинного семейства. – Играть по их правилам? С какой стати я должен это делать?

Рита еще раздумывала. Потом она быстро сняла плавки и осталась нагой. Сердце учащенно колотилось. Но что-то в этот момент произошло в ней – так переключается скорость, машина с ревом набирает обороты и несется вперед с иной силой.

– Чувствуешь кайф? – прижимая ее к себе, спросил Гарик.

– Да, – честно призналась она.

– То-то. Но, кажется, им этого мало.

– Хочешь пробежаться по пляжу туда и обратно?

– Я могу.

– Верю, но делать этого не стоит.

– У меня есть другой способ.

Его тон был почти угрожающим.

– Не пугай меня.

– Я сделаю тебе поблажку на первый раз. Надень темные очки.

Рита выполнила и это требование. Теперь он обнимал и тискал ее так, как это делают перед совокуплением.

– Расслабься... А то ты как школьница на задней парте, которую лапают сопливые пацаны.

Его руки были очень настойчивы.

– Ты что, спятил?

– Ни в коем разе.

Он взял ее за руку и вытащил из тени на солнце. Упира́ться было тщетно – она знала, как силен Гарик. Но она и не хотела перечить ему – ей безумно нравилось исполнять его желания и прихоти. Плыть с ним в одном направлении – лодочкой, привязанной к большому кораблю.

– Мы людям обламываем отдых, – недовольно бросила Рита.

– Думай о себе, милая. Мы же не делаем ничего плохого. Ты не ограбила их, не угрожала. Просто решила побыть Евой, и все дела. А я – твоим Адамом. Посмотри – кругом райские кущи.

– Куда ты меня ведешь? Знакомиться с ними?

– Вот сюда, – он ткнул пальцем в песок. – Вставай на четвереньки.

– Но там дети!

– Этих детей сделали именно таким образом. Не догадывалась? Как меня и тебя, кстати.

Рита выполнила и этот приказ. Его шершавые ладони прошли по ее лопаткам и груди, остановились на бедрах. Рита все делала, как во сне. Но это и был сон... Первой их увидела бабушка. Вначале она замерла, как соляной столб. Потом в ее руках оказался театральный бинокль. Рита, хоть и получала толчки сзади, закусив губы, наблюдала за обалдевшей бабушкой. Кажется, старая пляжница не верила своим глазам, даже когда старательно рассмотрела парочку любовников и то, чем они занимались на виду у всех. Такого же не могло быть в обычной жизни, не так ли? Выходит, мираж? Потом бабушка ожила и завопила, стала тыкать пальцем в их сторону. Мать с отцом, добропорядочные родители деток, тоже уставились на соседей. Только визжащим детям не было до развратников на той стороне пляжа никакого дела. Наконец еще два соляных столба ожили – взрослые с криками похватили детей за руки и ломанулись с пляжа. За ними, оглядываясь на двух подлых срамников, едва поспевала бабушка. Скоро зарычал мотор автомобиля, но вскоре от этих звуков не осталось и следа.

На последней минуте Рита, изогнувшись змеей, обнима-

ла Гарика за шею. Ее бедра были в тисках его рук, пока конвульсия не охватила их обоих. Потом они повалились в песок. Оба молчали. Наконец Гарик сказал:

– А прогиб у тебя что надо, детка.

– Спасибо, – улыбнулась она ему.

Он поднялся, протянул ей руку.

– Идем в воду, – сказал Гарик. – В большую волжскую купель.

– Пошли, – цепляясь за него, откликнулась она.

Они зашли по пояс и еще долго целовались в прибрежной воде. Ее очки были уже на макушке.

– Чувствуешь, какова жизнь на вкус? – спросил он.

– На все сто.

– Ну и как?

Рита умыла лицо прохладной водой. Все, что сейчас с ней происходило, было откровением, блаженством. Если бы ей еще недавно сказали, в какой рай для нее, девчонки, откроются двери, она бы не поверила.

– Ты не ответила.

– Кайф, – повторила она не так давно брошенное слово.

Это был самый искренний и порочный ответ в ее жизни. Пока еще самый порочный...

– Вот и пробуй на вкус, какова она, каждый день, – говорил Гарик. – Ничто не повторяется. – Он зачерпнул сильной, широкой ладонью воду. – Смотри, все уйдет, как вода сквозь пальцы.

– Да ты философ, – заметила Рита.

– О да, я такой, – очень серьезно ответил ее мужчина.

Они возвращались на закате. Оба были немного подшофе – вина-то взяли с собой предостаточно, ограничивать себя не хотели. Панорама впереди трогала и волновала. Город, растянувшийся на крутых холмах вдоль берега куда хватало глаз, окрасился в розовый свет. Горели красным дорожущие высотки вдоль набережной, червонным золотом – купола церквей. Багряный свет впитали многочисленные зеленые парки. На пляже муравьями возились люди. Разноцветными грибочками светились в алом солнце пляжные зонты. И только рабочие районы справа, где один военный завод громоздился на другой, покрывал желтый вязкий туман.

Наперерез их катеру то и дело проходили другие суда – малые и большие.

– Только без фокусов, – предупредила Рита любовника. – Не хочу закончить день утопленницей на дне Волги... Ты меня слышишь?

– Разумеется, детка, – ответил он.

Хоть и навеселе, Гарик оказался на удивление выдержан, не шалил, не заигрывал с теплоходами и баржами, не подрезал их, не вызывал на дуэль водные трамвайчики, которые спешили к широкой многоступенчатой пристани. Когда надо, он бывал на удивление хладнокровен. Рита сидела в широкой панаме, немного обгоревшая, и молчала. Ее уморила жара, вино тоже сделало свое дело, и теперь ее все сильнее

мутило от скачки по волнам. А катер бился стальным брюхом о волны и взлетал, приближаясь к городу.

– Меня сейчас вырвет, – наконец сказала она.

Когда они подплывали к стоянке и мотор почти затих, оставив едва уловимые обороты, Рита бросилась к борту и поспешно перегнулась через него.

– Гадость, фу, – без сил простонала она.

– Только не бултыхнись, – усмехнувшись, предостерег ее Гарик.

– Не смешно... Господи, как мне плохо...

– А я тебе говорил: не мешай белое с красным и тем более то и другое с пивом. Ты же непослушная девочка.

– Я как раз послушная. Все делаю, что ты говоришь. Лучше бы пожалел меня...

– Я тебя пожалею. Уже скоро. Даю слово.

Она вернулась на скамейку, умылась минералкой, тщательно прополоскала рот.

– Каким образом, интересно? – нашла в себе силы улыбнуться Рита. – Пожалеешь-то, а?

– Ты знаешь, детка, – аккуратно заводя катер на место, вкрадчиво бросил через плечо Гарик.

– Вот и я об этом. Ты меня уже и так вывернул наизнанку. Приму ванну и буду спать целые сутки. Слышишь, насильник?

– Обсудим, – вполоборота откликнулся он.

Мать с отцом перестали делать ей замечания – дочь стала взрослой. Она говорила как взрослая, вела себя так же, не позволяла упрекать себя, читать нотации, даже делать замечания. Могла сразу встать и уйти. Так однажды и случилось, когда разразился скандал, накипело у отца и он в горячах сказал: «Парня не дождалась, а парень-то хороший был, ходит, поглядите на нее, полуголая, что дома, что на улице, ни стыда, ни совести. Ведет себя как публичная девка». Рита не замедлила показать характер. Только сказала: «В таком случае ты – звероящер». – «Высечь бы тебя!» – еще яростнее бросил ей вслед отец. «Тебе надо было в колонию устроиться работать надзирателем, а не физкультуру в школе преподавать», – ответила дочь. «Оставь ты ее», – защищала легкомысленную дочку изнервничавшаяся мать. «Да ей восемнадцать всего! Сопля она!» – протестовал отец. «В моем возрасте девушки уже в очереди в порнобизнес стоят», – бросила Рита. «Куда стоят?» – гневно переспросил отец. «Туда», – ответила она и хлопнула дверью.

Время от времени, когда отца не было дома, она приводила игрушки – то большую плюшевую обезьяну, то рыжего кудлатого льва, то серого слона с длинным хоботом. Его она любила особенно и называла Цезарем. «Кто ж тебе такие подарки-то дарит?» – спросила однажды мать. «Любов-

ник, – как ни в чем не бывало ответила Рита. – Он богатый, может себе позволить». «Ясно, – вздохнула мать. – И в кого ты такая пошла?» – «В прабабушку, – ответила Рита. – Помнишь, ты говорила, что она любовницей красного командира была, которого потом расстреляли? Носилась с ним в Гражданскую войну на коне? Из маузера палила во все стороны. – Она вскинула руки, вытянула указательные пальцы в сторону матери: – Пиф! Паф! Вот в нее, амазонку, я и пошла. Гены виноваты».

Июль был в разгаре. Однажды, пока Гарик плескался в душе, Рита спустила с постели ноги, встала и сразу оказалась перед гигантским зеркалом. Это был день, когда она посмотрела на себя по-другому. Она вдруг увидела в своем отражении не тоненькую девочку или девушку, а уверенную в себе молодую женщину, которой все удастся в жизни и будет удаваться. Обязательно. А иначе разве стоит жить? «Странно, – подумала Рита, – что еще вчера я не могла уразуметь такую простую истину». Она поняла, что в ее жизни случилось что-то очень важное. То, от чего перехватывает дух.

Сзади, препоясанный полотенцем, подошел Гарик.

– Ты очень красивая, – сказал он. – Я вряд ли когда-нибудь тебя забуду.

– А разве ты собираешься куда-то деться?

Гарик не ответил. Она вспомнила, что он здесь не навсегда. Их реальность зыбкая, как замок на песке перед приливом. Но она знала об этом с самого начала. Обняв ее за пле-

чи, Гарик проговорил:

– Кто-то из классиков сказал: я не верю в любовь. Просто есть люди, с которыми тебе хорошо – всю жизнь, год, месяц, неделю, день, час или несколько минут. – Он сбросил полотенце, прижал ее к себе. – Идем в постель. Не будем тратить время понапрасну.

Последняя фраза уколола – словно ее торопили.

– Ты бы взял меня с собой, если бы я попросила? – шепотом вымолвила Рита. – Туда, где твоя жизнь?

Он смотрел на ее отражение в зеркале – зорко, даже пронзительно – и не отвечал.

– Так взял бы? – пересиливая себя, повторила она. – Ради тебя я бы оставила все...

И не ожидала она от себя таких слов, но сказала. Вместо ответа Гарик вновь подсек ее, как делал много раз, подхватил, как перышко, и понес на кровать. Он целовал ее розовые ступни, щиколотки, икры, колени, бедра. В какой-то момент она закрыла от удовольствия глаза и решила: хватит вопросов. Будь что будет.

После любви, когда они, утомленные, пролежали в безмолвии довольно долго, Гарик взял ее за руку:

– В этой жизни, девочка, нужно быть очень сильным. – Он сжал ее пальцы. – Иначе тебя растопчут. Но ты не просто красивая и сексуальная, ты и есть сильная. Мне это нравится. Это качество и будет твоим спасительным козырем, даже если мир станет рушиться вокруг.

Следующий день Рита провела на работе, в «Платформе», дописывала пару материалов. Во второй половине дня, когда все сделала, она позвонила Гарику – он трубку не взял. Рита вызвала такси и поехала в отель. Когда она направлялась к лифту, ее перехватил высокий администратор с аккуратной зализанной и маслянистыми глазами, мимо которого, в темных очках, гордо вздернув подбородок, она так часто проходила в сопровождении супермена из пентхауса.

– Простите, кажется, вас зовут Рита? – нарочито вежливо спросил он.

– Да, – остановилась она. – А в чем дело?

– Вы в «111-й» номер?

– Разумеется, вы же знаете, где я живу.

– Простите, конечно, знаю. – Он многозначительно произносил эти слова, так и буровя ее взглядом. – Но наш постоялец съехал.

– Как это съехал? – не сразу поняла Рита.

– Уехал в Москву. Странно, что он вам не сказал сам. Господин Зверев очень торопился.

– Какой господин?

– Как это какой, девушка? Григорий Зверев, с кем вы имели радость общаться последние два месяца.

Рита непроизвольно нахмурилась: она даже не знала его фамилии. Но им и не нужны были фамилии. Зачем? Хватало имен, чтобы один мог окликнуть другого, хватало тел и неумного желания. Все остальное – лишнее.

– Его вызвало начальство – срочно перебрасывают на другой объект, куда-то за Урал.

Губы Риты непроизвольно дрогнули:

– За Урал?

– Да.

И опять у нее закружилась голова, как в день знакомства с Гариком. Только теперь волна горечи всколыхнулась в груди и дошла до самого горла, встав комом.

– То есть он не вернется? – едва проглотив слюну, пролепетала она.

– Нет, – отрицательно и снисходительно покачал лысой головой администратор. – Увы. Но для вас он оставил подарок и письмо. Идемте.

Она последовала за ним. Администратор вошел в просторную конторку. Там, в целлофановом пакете, был упакован гигантский плюшевый осел с золотой цепью через шею и медалью с надписью: «Иа». Администратор вынес осла девушке, положил его бочком в кресло.

– По-моему, очень трогательно, – кивнул он на игрушку.

– А где письмо? – спросила Рита.

– В пакете, – ответил заботливый администратор, приоткрыл пакет и достал сложенный листок.

Оно не было запечатано – мог прочитать любой. Рита развернула бумагу. Там было несколько наспех выведенных строк: «Прощай, будь умницей. Спасибо за проведенное время. И помни: ты – сильная».

Голова у Риты все еще кружилась.

– Вы, конечно, меня простите, мадемуазель...

Обращение покорило, но она не подала виду.

– Говорите.

– Это очень личное.

– Да говорите же.

– У нас то и дело появляются очень серьезные постояльцы, – вкрадчиво зашептал администратор. – Мужчины, – уточнил он. – Как правило, у них есть потребности. Например, провести время с интересными дамами. Вы можете оставить мне телефон, и я позвоню вам.

– Что? – не поняла она.

– Вы слышали, – утвердительно кивнул он. – На вашем Звереве свет клином не сошелся.

Краска бросилась Рите в лицо.

– И кто я, по-вашему?

Администратор пожал плечами:

– Каждый волен зарабатывать так, как ему заблагорассудится.

Слушая, Рита автоматически кивала.

– Вы все сказали?

– Пожалуй, что да. Так дать вам мой телефон? В этот штат попасть не так уж и легко, девушка, – самодовольно предупредил он. – Надо сначала пройти кастинг. Я лично отбираю претендентов. Но с вами, думаю, проблем не будет.

– Еще как будет. Трахни этого осла, дяденька, в его мох-

натую жопу. – Рита схватила с кресла и сунула гигантское плюшевое животное в руки обалдевшему администратору. – Проведи кастинг. Отбери претендента. Может, полегчает, скотина.

Она опрометью выскочила из отеля, в котором провела столько упоительных дней и ночей. Слезы катились по ее лицу, губы дрожали, подбородок ходил ходуном. Руки тряслись. Вот значит как с ней? Вот значит как?! Слова отца, брошенные в гневе, неожиданно вспыхнули в памяти: «Ведешь себя как публичная девка!»

«Ну и пусть», – твердила она, уходя прочь от зеркального синего небоскреба, по которому плыли голубые облака. Только один раз она оглянулась на вершину айсберга – ту самую лоджию, куда нагой и счастливой выходила каждое утро. Райские кущи в одно мгновение обратились адом. Ну и пусть! Да, она сильная и стерпит этот удар.

Она вернулась домой. Долго не могла заснуть, лежа в обнимку с плюшевым слоном Цезарем. Отец и мать не трогали ее, понимая: что-то случилось. «Ну что, поссорилась со своим богачом?» – вечером спросила мать, подкараулив ее на кухне. «Да, он меня обманул, – очень ровно ответила Рита, – у него в Москве пятеро детей по лавкам». – «Мы так с отцом и думали», – сокрушенно кивнула мать. Кажется, отец простил ее, даже словом не упрекнул. Блудная дочь вернулась, и слава богу. А ей было обидно. Очень! Она плакала навзрыд, уткнувшись в слоновье ухо, в гневе искусала его.

Рыдала долго и горько. «Козел, вот козел, – хватая ртом воздух, задыхалась она. – Что б ты сдох, Гарик, чтоб ты сдох...» Но ревела она только одну ночь напролет, пока не забылась сном.

Рита проснулась только в полдень. Вспомнила, и сердце заколотилось, а горечь вновь затопила горло. Какова жизнь на вкус – она уже испытала. И вот пришло послевкусье. Но Рита запретила себе продолжать истерить. Хватит, она сильная. Она решила забыть о своем гастролере, как его назвала в курилке Жанна Елецкая, раз и навсегда. И после обеда написала Лосю в армию, что замужество не для нее. Это было злое, но правдивое письмо. Пусть он ее простит, если сможет.

Теперь она будет заниматься карьерой – и ничем больше. К счастью, о выборе профессии думать не приходилось. В августе Рита с легкостью поступила в Педагогический – на факультет журналистики. Тем более что один из ее наставников был там заведующим кафедрой. А другой, вернее сказать, другая, Жанна Елецкая, в том же году открыла свою молодежную газету, где стала главным редактором, и сразу взяла Риту к себе на ставку.

Рита Сотникова оказалась самой молодой профессиональной журналисткой в городе. Правда, родители вновь недоумевали: из огня да в полымя. С утра до ночи их восемнадцатилетняя дочь где-то промышляла. Конспекты, интервью, рефераты и репортажи завертелись одним водоворотом,

захватили их непоседу, превращая во взрослого, не по годам серьезного человека. «Ты бы не перетрудилась, – заботливо увещевала мать. – Отдохнула бы, Ритуль. Все пишешь и пишешь, читаешь и читаешь, учишь и учишь». Про себя она усмехалась: родителям не угодишь. Развратничаешь – плохо. Затворничаешь – тоже не так. «Поголяла бы с друзьями», – советовала мать. «Не-а, – упрямо отвечала дочка. – Ты пойми, мамуль, сейчас время очень динамичное. Я хочу все успеть. Синица в руке не для меня. Мне журавль нужен – в небе. Вот так».

Часть вторая. Первая скрипка

Глава первая. Игра без правил

1

Через год иерархическая лестница в молодежной газете, где работала Рита, сдвинулась, и ей предложили стать начальником отдела информации. Ведь именно она среди полного штиля могла отыскать почти что торнадо; запросто перевернуть весь город и положить на стол редактора то, что сразу – в первую очередь – бросилось бы в глаза читателю. Она могла найти событие где угодно. А если не найти – то придумать его. Репортер должен быть авантюристом, не то – грош ему цена.

Рита не испугалась и согласилась сразу. Хотя знала наверняка: информация – это начало. Первые шаги. Главное ее ждет впереди. Она была смелой, ловкой и поэтому не обма-

нулась. Интервью с киллером, самым настоящим ловцом человеческих жизней, с которым их свели через десятые руки, в одночасье сделало Риту Сотникову настоящей героиней. Раскрыв газету, родители были в шоке и отпаивали друг друга корвалолом. А Рита в телепередаче «Звездный час» рассказывала о буднях рядового журналиста, которому едва исполнилось девятнадцать.

Отказавшись от Андрея Батюшкова, молчание которого после убийственного письма угнетало ее, она почувствовала себя свободной женщиной, готовой к приключениям. Тем более что теперь она была в самом центре всех главных событий в городе.

А еще у нее был опыт с Гариком, явившимся как из-под земли Казановой, штормовым ветром искушения, о котором забыть было невозможно, хотя она всячески старалась. Это знакомство, хоть и недолгое, оказалось дверями в сказочную страну, полную удовольствий, наслаждений и искусства любви. Однажды открывшись, они уже не захлопнутся никогда. Плоти́на была прорвана. Она побывала на темной стороне луны, такой притягательной, и увидела то, что другим недоступно. «А ведь иные женщины или мужчины, – думала Рита, – живут и ничего не знают о той стороне, разве что догадываются». После всего испытанного ей стало легче легкого кружить головы, ослеплять, влюблять в себя так, чтобы ни один несчастный уже никогда не смог позабыть о ней. И с каждым разом приумножать бесценный опыт.

Дежурные романы, закрутившие Риту в свой соблазнительный водоворот, играли для нее роль значительную, но не главную. Она не соврала в письме Андрею, что семейный уют, тишь да благодать, уси-пуси, детки-конфетки – не для нее. Она входила в профессию, шагала уверенно и широко, ставила перед собой большие задачи, наслаждалась успехом, и это было сейчас главным. Гарик сделал ее циничной, но в особенном смысле этого слова. Так решила для себя Рита. Ей был брошен спасательный круг. Где-то в глубине души она была даже благодарна своему Казанове, этому подлецу и предателю, потому что получила прививку от будущих сердечных болезней. Рядом с ней не было ни одного мужчины, ради которого она бы пожертвовала своим призванием и карьерой. Она дала себе слово, что больше ни из-за кого страдать не станет. Теперь это был принцип: только получать то, что ей нужно.

Одно заставляло нервничать Риту – последние недели ее наставница Жанна Елецкая вела себя беспокойно.

Рано или поздно разговор должен был произойти. Во время обеденного перерыва, когда все разбежались по кафе, Жанна сама вызвала Риту в курилку.

– Послушай меня, девочка, – закуривая, сказала она. – Говорю только тебе. Наша молодежная газета скоро прикажет долго жить.

– Как это? – спросила Рита, щелкнув зажигалкой мимо сигареты.

– А вот так. Главный спонсор газеты уже месяц находится под судом. Проворовался, я так думаю. Прихватила беднягу за задницу прокуратура. Без него мы не протянем. Деньги через неделю-другую закончатся. И все. Бай-бай, детка. Это я не про тебя – про газету. Зря я тебя из «Платформы» забрала.

– Вот, блин, – вырвалось у Риты. – А я уже привыкла к ней. Поганка какая...

– Еще какая поганка, – Жанна цепко поймала взгляд Риты, хитро прищурила глаза. – Но все может быть не так уж и плохо.

– В смысле?

– Для меня, а значит, и для тебя. Есть человек, который предложил мне место зама главного редактора в большом глянцево-м журнале. Он покруче и побогаче «Платформы» будет раз этак в десять.

– Кто этот человек? И что за журнал?

Елецкая не сводила взгляда со своей протеже.

– Ежемесячный журнал «Предприниматель», слышала, наверное?

Как не слышать! Журнал входил в медиагруппу известного в городе человека. Рита хотела взять у него интервью и хорошо помнила, как маленький седой лев, разъезжающий на шестисотом «Мерседесе», пялился на нее. Жанна Елецкая оставила этот фрукт себе. Но у льва выдалась возможность спросить на каком-то фуршете: «Тебя Жанна воспитала, ка-

жется?» – «Да, Лев Витальевич», – ответила Рита. «Читал твое интервью с киллером. И про слона слышал. Жанна умеет ковать кадры», – кивнул медиамагнат. Помимо нескольких печатных изданий у него была еще и своя музыкальная радиостанция, которая огребала на рекламе кучу денег. «Надеюсь, еще увидимся», – на прощание многозначительно бросил медиамагнат. «Очень может быть», – немного смущенно кивнула Рита.

– Ты ведь знаешь, что у нас с Вершининым было прошлое?

– Да, – наконец-то прикурив, скромно кивнула она.

– Он сам позвонил мне. Сказал, что развелся с женой. А ведь это она была редактором «Предпринимателя». Зам главного свалил в Москву, там ему предложили более жирный кусок. Оказывается, свалил с женой Вершинина. Смешно, – чуть хриповато рассмеялась Жанна. – Вот он – второй шанс. Ничего нет доступнее брошенного мужика. Самооценка подорвана, ему хочется защиты. И часто он ищет то, что ему было дорого, что недолюбил когда-то. А меня он, паразит, недолюбил.

Она говорила с Ритой так, словно та была неразумной школьницей, которой все надо разжевать и в рот положить. Что ж, свое самомнение Жанна Елецкая вскармливала годами. И потом – тридцать пять лет, она на пике своего сексуального могущества. Делала что хотела и с кем хотела, без оглядки.

– Редактором Лев временно взял Пантелеева Сан Саныча, своего старого друга-пройдоху, тот по коммерческим вопросам, в творческий процесс лезть не будет. Моему мнению Лев Вершинин доверял и доверяет, так что я там буду хозяйкой. – Жанна улыбалась, глядя сквозь дым на Риту: – Твоя судьба, девочка, уже решена. – Она раздавила окурок в пепельнице. – И еще – Пташкиной Варвары, нашей скромницы.

– Не поняла, – нахмурилась Рита.

– А что тут непонятного? Мне нужны свои люди в штате. Наталья пишет забористо – не хуже тебя. К тому же она прирожденная интеллектуалка: у нее каждая тема – ценный кирпич.

Краска бросилась ей в лицо – долговязая молчунья Варвара Пташкина училась на том же факультете журналистики, но на три года старше Риты. Она не гонялась за сенсациями, писала глубокие социальные материалы, но свой авторитет подняла тем, что была внештатным корреспондентом московского издания и очень гордилась этим. На факультете ее всем ставили в пример.

Ревность Сотниковой не ушла от внимания Жанны.

– Что такое? Я тебя уколола? Не бери в голову. У Варвары есть один минус – она не такая шустрая и наглая. Вы мне пригодитесь обе. Каждая из вас хороша в своем роде. Будем как три головы дракона, – пошутила Жанна, – я посередке, вы – по бокам. Пошли в редакцию, вон, наши бедолаги под-

тягиваются. Мне еще им на днях жизнь портить – давать пинок под зад. Теперь каждому из них работу искать придется. Увы, девочка, обстоятельства сильнее нас.

2

Лев Витальевич выходил из апартаментов, когда увидел на скамейке у палисадника прехорошенькую девушку – в руках у нее была туфля со сломанным каблучком. Он узнал свою корреспондентку и подошел. Девушка явно недоумевала, что ей делать со сломанной обувью.

– Что, принцесса, волшебную туфельку сломала?

– Ага, – кивнула та, повертела в руках туфелькой, пожалала плечами, улыбнулась: – Только она не волшебная.

Его сотрудница была в короткой юбке, кожаной приталенной курточке. Темно-каштановые волосы отливали на солнце жемчугом, карие глаза с янтарным отливом блестели на солнце. Уже четвертый месяц она работала в журнале «Предприниматель», и взгляд его, матерого бонвивана, все чаще останавливался на юной нимфе. Отрада для глаз, да и только. Только совсем юной была эта нимфа.

– На такой ножке любая туфелька станет волшебной. Сотникова, кажется? – спросил Вершинин. – Из Жанниной штурмовой бригады?

– Классная шутка, – кивнула Рита. – Я про бригаду. Из нее. Рита Сотникова. – Она сделала ударение на имени.

Когда Вершинин встречался с Жанной Елецкой, той было лет двадцать пять, а Льву Витальевичу выходило под пятьдесят. Теперь у него намечался другой юбилей, более значимый и печальный. А известно, как смотрят шестидесятилетние мужчины, у которых большие возможности, на юных красоток, всецело зависимых от них. Если наглости много – а ее, как правило, хоть отбавляй, иначе бы и не добились высот, – как на свою возможную собственность.

– Так тебя подвезти, Рита Сотникова? – спросил он.

Она кокетливо нахмурилась:

– Мне неудобно отрывать вас от дел.

– Все отлично. Без проблем. Здоровье моих подопечных – первоочередное дело.

– Ну, тогда, если не сложно, – ответила Рита. – Я уж хотела такси вызывать. Кажется, лодыжку чуть-чуть подвернула.

Было начало осени – парк рядом романтично окрасился в желтый и багряный цвета. Вершинин вывел машину со служебной стоянки, помог Рите сесть на переднее сиденье.

– Я тебя к своему врачу отвезу, – заботливо сказал он. – Он один из лучших в городе хирургов.

– Вы такой заботливый, – невинно пропела юная журналистка.

– Тебе сейчас сколько лет? – уже в машине спросил он.

– Двадцать исполнилось.

– Взрослая уже.

– А то.

– И сколько статей уже написала?

– Полтысячи будет. В разных изданиях.

– Ого!

– Да, я такая, – с гордостью заметила Рита.

По дороге Лев Витальевич по-молодецки, а был он для своих лет поджар и расторопен, заскочил в магазин спортивной одежды и скоро вынес коробку, перевязанную широкой алой лентой. «Боже, – подумала Рита. – Что он мне еще приготовил? Обувь!»

Вершинин забрался в машину и протянул коробку Рите.

– Это мой подарок, – сказал он. – Возражения не принимаются. Развяжи.

Она послушно развязала – там были изящные дамские кроссовки.

– Тебе сейчас на каблуках пока ходить не стоит, – совсем по-отечески сказал Вершинин. – Так что надевай. Не подойдут – поменяем.

– Даже не знаю, что сказать, – совершенно искренне отозвалась Рита.

– Скажи просто «спасибо».

– Спасибо, Лев Витальевич.

Он и впрямь был заботлив. В машине Рита переобулась. Кроссовки подошли.

– Ну как? – спросил Вершинин.

– Как на меня сделали.

– Глаз – алмаз, – похвалился он.

Затем они приехали к хирургу, но у того сидел важный пациент, и выставить его немедленно ради юной корреспондентки не представлялось возможным. Лев Витальевич отошел поговорить по телефону. Рита думала, как ловко она провернула это дело. Сама незаметно от окружающих расшатала и сбила каблук, уселась на скамейку ждать у моря погоды. Актерского мастерства ей было не занимать – ее величество природа в случае Риты Сотниковой постаралась на славу.

И еще были вынужденные обстоятельства.

У этой авантюры существовала драматическая предыстория. Рита все чаще замечала, что Жанна Елецкая намеренно отдает предпочтение той самой «интеллектуалке», долговязой Варваре Пташкиной, с которой они втроем пришли в журнал Льва Вершинина. Несомненно, у Варвары, девушки сдержанной, было побольше опыта в деловых темах, тут не поспоришь. Да и старше она была Риты на несколько лет. А может быть, Рита Сотникова одевалась чересчур откровенно, вела себя вызывающе приветливо с коллегами, всем улыбалась, много и весело шутила, прямо как Снегурочка, хоть сейчас хоровод заводи вокруг елки. Глаза у нее блестели как-то особенно, и косились все мужчины именно на нее, а те, что понаглее, раздевали девушку глазами, в том числе и шеф – Лев Витальевич Вершинин.

Кто его знает, как там все было, но женская ревность – страшное дело с непредсказуемыми последствиями. Одна-

жды между учительницей и ученицей произошел неприятный разговор. Они все реже курили вместе и уже давно не делились впечатлениями от жизни. Проходя мимо и оглядывая Риту в совсем уж короткой джинсовой юбке, да на каблучках, Жанна мимоходом сказала: «Будь скромнее, девочка, не показывай себя так, будто ты в сотый раз вышла на панель». Сказано было наедине, но это оказалось как звонкая и обидная пощечина. За ней стояло еще и то, что Жанне не удалось запросто овладеть своим прежним любовником и шефом – старым львом-сердцеядом Вершининым, она не понимала почему, оттого нервничала и даже бесилась. Она то ждала первого шага от него, а он его никак не делал.

Рита опешила от оскорбления Жанны, успела только спросить ее в спину: «И в чем мне теперь ходить, Жанна Борисовна? В защитном комбинезоне? В маскхалате?». «А вот это выбирай сама, – вполоборота ответила Елецкая. – Можешь хоть в плащ-палатке». Рита на этот раз промолчала, – зачем нарываться, – но обиду затаила. Она понимала, что синим чулком не станет, пояс девственности на себя не наденет и с мужчинами не будет вести себя так, будто она активная лесби. Она останется сама собой, привлекательной и сексуальной, при этом – соблазнительно юной. И рано или поздно ревнивица Жанна найдет причину избавиться от нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.